

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

как для той, так и другой стороны. Вполне понятно, что каждый шаг вперед, который нам удастся сделать, будет достижением с точки зрения Совета Безопасности. Мне кажется, что нам следует идти вперед, как можно скорее. Поэтому я высказываюсь за то, чтобы назначить следующее заседание на завтра в 2 ч. 30 м. дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): К сведению Совета я сообщаю, что завтра утром или самое позднее завтра днем, Секретариат разошлет меморандум делегации Пакистана, который является ответом на первоначальный меморандум, представленный правительством Индии. Я хотел бы теперь спросить представителя Сирии, настаивает ли он на своем предложении...

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я не настаиваю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): В таком случае, мне кажется, что Совет не возражает против того, чтобы закрыть сейчас заседание и собраться снова завтра в 2 ч. 30 м. дня. Это заседание начнется с заявления представителя Пакистана, причем он всегда будет иметь, разумеется, полную возможность на следующем заседании, которое может быть назначено на ближайшее будущее, закончить устно или письменно то заявление, которое он сделает на заседании завтра днем.

Заседание закрывается в 1 ч. 10 м. дня.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 16 января 1948 года, 2 ч. 30 м. дня Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

10. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 228)

1. Утверждение повестки дня.
2. Вопрос о княжестве Джамму и Кашмир:
  - а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности о положении в княжестве Джамму и Кашмир (документ S/628)¹.
  - б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря о положении в княжестве Джамму и Кашмир (документ S/646)².

11. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)

По приглашению Председателя представители Индии г-н Гопаласвами Айянгар и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла-хан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Повесткой дня предусматривается продолжение обсуждения вопроса о княжестве Джамму и Кашмир.

Мы прибегнем к системе одновременного перевода для заявления, которое будет сделано представителем Пакистана.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): После того как вчерашнее заседание Совета Безопасности закрылось, мне пришлось подумать о том, чем ограничить заявление, которое я собираюсь сделать сегодня днем. Я мог бы либо ограничиться кратким ответом на обвинения, возводимые Индией на Пакистан и подробно изложенные в зачитанном вчера заявлении, либо дать краткий исторический обзор всего вопроса и на этом фоне ограничиться изложением только кашмирского вопроса, не касаясь других вопросов, затронутых жалобой, поданной Пакистаном Совету Безопасности в порядке статьи 35 Устава.

И тот и другой варианты были сопряжены с известным риском. В первом случае риск этот заключался в том, что, без более или менее подробного исторического обзора, вопросам, действительно подлежащим решению, — или во всяком случае тому фону, на котором они должны рассматриваться, — может не быть уделено достаточного внимания. Риск, связанный со вторым вариантом, заключался в том, что, по крайней мере, первой частью моего заявления я мог бы утомить некоторых членов Совета Безопасности и, во всяком случае, представителя Соединенного Королевства и его советников, которые уже в общих чертах, и даже подробно, знакомы с историческим очерком, который я намереваюсь представить.

Тем не менее, после зрелого размышления я решил, надеясь, что Совет Безопасности отнесется ко мне со снисхождением, избрать второй путь, не только потому, что мы имеем дело с серьезными, спешными и щекотливыми вопросами, но также потому, что их разрешение чревато целым рядом последствий, которые в настоящий момент, быть может, еще не совсем ясны.

Положение страны, которую обвиняют в том, что она является потенциальным нарушителем международного мира, не слишком приятно, но, помимо всего этого, затронутые здесь вопросы носят не только правовой, конституционный или даже политический характер. Существует также

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 67-87 англ. текста.

множество чисто человеческих факторов, которые должны быть взвешены Советом Безопасности, прежде чем он приступит к рассмотрению конкретных требующих разрешения вопросов.

Правительства Индии и Пакистана, основываясь на статье 35 Устава Организации Объединенных Наций, оба обратились к Совету Безопасности. Этим самым они оба признали, что между ними возникли споры, которые могут угрожать международному миру и безопасности. Я вполне согласен с моим другом, представителем Индии, что положение серьезно и требует немедленного разрешения.

Спор, представленный на рассмотрение Совета Безопасности представителем Индии, ограничивается вопросом Кашмира. Пакистан же представил Совету все главные неразрешенные обеими сторонами вопросы и споры, которые, если они не будут урегулированы, могут привести к нарушению мира.

Совет Безопасности, как ему надлежало, в первую очередь рассмотрел кашмирский вопрос, который был ему представлен раньше остальных внесенных Пакистаном вопросов. Поэтому я пока ограничусь в моем заявлении вопросом Кашмира. Тем не менее, как я уже сказал, с тем чтобы оценить положение в Кашмире, необходимо рассмотреть этот вопрос на соответствующем фоне. Речь идет не о случайном инциденте. Поэтому в настоящей стадии я лишь постольку коснусь остальных вопросов, поскольку это может способствовать правильной оценке положения в Кашмире. Я изложу остальную часть моей тезы, когда вопрос будет обсуждаться Советом Безопасности.

Ясно, однако, что, для того чтобы восстановить дружеские отношения между Индией и Пакистаном и устранить угрозу международному миру и безопасности, необходимо, как можно скорее, разрешить все главные споры между этими двумя странами, представляющие собой такую угрозу. Если можно так выразиться, Совет напрасно тратил бы драгоценные время и силы, стараясь разрешить кашмирскую путаницу, пока оба доминиона тем временем начнут борьбу по поводу одного из других серьезных разногласий, изложенных в документе II [в документе S/646], представленном Совету Безопасности и находящемся теперь в руках его членов. Поэтому я надеюсь, что Совет Безопасности, наряду с рассмотрением кашмирского вопроса, приступит к рассмотрению и остальных спорных вопросов.

В самом деле, как это обнаружится несколько позже, по мере развития моей тезы, невозможно подобающим образом взвесить различные аспекты кашмирского вопроса, непосредственно не затрагивая некоторых других наших разногласий.

Возвращаясь к вопросу о Кашмире, мне необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно генезиса Индии и Пакистана, с тем чтобы дать правильное освещение истории возникновения этих споров и, в особенности, спора о княжестве Кашмир. Поэтому я вынужден сделать несколько вступительных замечаний, весьма элементарных по своему характеру. Я ограничусь кратким наброском картины в самых общих чертах.

Под британским владычеством индийский субконтинент разделялся на две части: одна часть управлялась непосредственно англичанами и была известна под именем Британской Индии, а другая управлялась индийскими правителями и была известна под названием Индийских княжеств, в которых Соединенное Королевство обладало и осуществляло права и власть сюзерена.

Британская Индия разделялась на одиннадцать провинций, возглавляемых губернаторами, и несколько районов, управляемых из центра, как, например, Дели, Аджмер, Белуджистан и т. д. Число Индийских княжеств хотя и превышало шестьсот, но большинство из них представляло собой лишь небольшие владения или селения, обладающие весьма ограниченным суверенитетом. Некоторые из них достигали размера отдельных европейских стран и, за исключением того, что их внешние сношения оставались под контролем Соединенного Королевства и что по некоторым вопросам им давались советы резидентом Соединенного Королевства, они были вполне суверенными государствами.

Что касается распределения населения, то 70 процентов всего населения Индии принадлежали Британской Индии, а около 25 процентов — Индийским княжествам. В отношении площади, однако, Индийские княжества занимали приблизительно одну треть всего индийского субконтинента, а Британская Индия — две его трети. По признаку религиозных верований население распределялось, опять-таки весьма приблизительно, в следующей пропорции: один мусульманин приходился на трех немусульман.

Совет Безопасности главным образом интересуется вопросом разделения населения на мусульман и немусульман, причем большинство немусульман состояло и состоит до сих пор из индусов. Существует, однако, одна небольшая группа, — небольшая, но весьма важная, — с которой Совету Безопасности придется часто иметь дело при рассмотрении кашмирского вопроса — а именно, группа сикхов.

Сикхов во всей Индии насчитывается в общей сложности более 5 000 000, но они сосредоточены главным образом в Пенджабе. Весьма незначительное число сикхов проживало вне пределов Пенджаба, но главная их масса заселяла и базировалась на центральные округа той территории, которая была известна под названием Провинции Пенджаб. Но несмотря на то, что сикхов насчитывается всего лишь 5 000 000, они представляют собой прекрасно организованную общину; сикхи по традиции, по склонности и по своему воспитанию являются воинственным народом, который дал стране гораздо больше солдат, чем можно было бы ожидать, судя по его численности. Сикхское население также крайне трудоспособно, и в мирное время оно дает прекрасных фермеров, первоклассных техников, ремесленников и механиков.

В одиннадцати индийских провинциях, управляемых губернаторами, распределение населения было несколько странным. Тогда как мусульмане составляли приблизительно четверть всего населения Индии, эта четверть была так распределена, что в четырех из одиннадцати провинций

мусульмане были в большинстве, а в остальных семи — в меньшинстве. Таким образом создано оригинальное положение. Другими словами, в пределах провинций существовало известного рода равновесие, тогда как во всей стране мусульмане оставались в постоянном меньшинстве в отношении управления всей Индией, осуществляемого либо унитарным, либо федеративным правительством.

Когда выяснилось, что политическая власть перейдет из английских рук в индийские руки, различные общины начали подводить итог этой ситуации, и мусульмане стали опасаться того, что, когда политическая власть будет передана индусам, мусульмане окажутся в затруднительном положении.

Хотя само население Индии находится в стране с незапамятных времен, иммиграции в Индию в обыкновенном смысле этого слова почти не было, и две главных группы, т. е. мусульмане и немусульмане, почти во всех отношениях всегда держались отдельно. Я не буду подробно анализировать причин этого разделения даже в социальной и культурной областях. Главная и наиболее веская причина этому та, что индусское общество главным образом основано на кастах и на известных запретах (неприкосновенность). Опять-таки излишне входить в подробности, но, за исключением весьма незначительного числа неправоверных индусов, воспитанных либо на Западе, либо в Индии в западном духе, индусское общество основано на следующих двух принципах. Родившийся членом касты навсегда к ней принадлежит, причем изменить этого нельзя. Такова одна из двух доктрин.

Другая заключается в том, что ни один член трех высших каст, желающий оставаться правоверным, не может есть за одним столом, вступать в брак или поддерживать какие-либо иные нормальные отношения с членами четвертой касты, так называемой низшей или касты париев, равно как и с людьми, не принадлежащими к индусской религии.

Главным образом поэтому и, как я говорил уже, по другим причинам, эта стена всегда существовала. Следовательно, когда предстояло принять участие в управлении, каждая группа стала подводить итог ситуации. Исходя из того, как с ними до сих пор обращались, мусульмане стали опасаться, что, по мере того как власть будет переходить в руки местного населения, к мусульманам может быть проявлена дискриминация, если в конституции не будет предусмотрено соответствующих гарантий.

Законом 1935 года, на котором до закона 1947 года (Индийский Акт) основывалась индийская конституция, предусматривалась система защиты меньшинств. Согласно этому закону в начале 1937 года были произведены выборы, и в семи провинциях, в которых большинство населения было не мусульманское, Партия конгресса, за которую было подано большинство голосов, приняла управление и образовала министерства, оставшиеся у власти с июля 1937 года по ноябрь 1939 года. Эти министерства подали в отставку 10 ноября 1939 года, т. е. в начале последней мировой войны, на том основании, что Индия была вовлечена в войну решением британского

правительства и что стране не было предоставлено возможности решить, будет ли она принимать участие в войне или нет. Но в течение этих двух с четвертью лет мусульмане, по крайней мере в некоторых провинциях, постепенно убедились в том, что предусмотренные этим законом гарантии на практике себя не оправдали и оказались чистой фикцией.

Не являясь уроженцем какой-либо из тех провинций, в которых это чувство было особенно остро, я не испытал этого на себе, но некоторые проживавшие в этих провинциях мусульмане засвидетельствовали, что они подвергались таким преследованиям и были жертвами стольких дискриминационных мер, что тот день, когда министры Партии конгресса в этих провинциях ушли в отставку, был отпразднован мусульманами как «день освобождения». Это во всяком случае свидетельствует о степени вражды между обеими группами.

Что касается политического представительства, то двумя наиболее влиятельными политическими партиями в Индии за последние годы были Всеиндийский национальный конгресс и Всеиндийская мусульманская лига. Всеиндийский национальный конгресс, согласно своему уставу и правилам, доступен для всех. Члены его не избираются из какой-либо определенной общины; по крайней мере ничего подобного его правилами не предусматривается. На практике также члены Партии конгресса не набираются из одной какой-либо группы, но ее большинство все-таки составляют индусы, что в общем как бы соответствует численному соотношению различных групп населения. В Конгресс также входят в небольшом числе и мусульмане; по крайней мере так было до тех пор, пока постепенно их число до того сократилось, что стало почти незаметным.

Впрочем, можно сказать, что в общем и целом большинство мусульманского населения Индии за последние годы было представлено Всеиндийской мусульманской лигой.

В результате тех событий, о которых я упомянул, на годовой сессии Мусульманской лиги в 1940 году была принята резолюция, которая впоследствии стала известна под названием Пакистанской резолюции. Имя Пакистан, хотя его теперь носят две части доминиона, первоначально ни к какой определенной территории не относилось. Это слово было принято, чтобы выразить идею или идеал. После осуществления этого идеала, то же название было дано и территории.

В этой резолюции предлагалось не препятствовать объединению тех районов Индии, где мусульмане составляют большинство населения, в одно независимое суверенное государство, предоставив остальной территории Индии свободу образовать одно или несколько независимых суверенных государств. Тогда в первый раз идея Пакистана — или того, что сегодня известно под этим названием — была выражена в конкретной форме.

Впоследствии обеими политическими организациями были сделаны многочисленные попытки урегулировать вопрос в конституционном порядке, но это не увенчалось успехом. Мусульмане опасались, что подчинением господству индусов

в рамках либо федеративного либо унитарного индийского государства будет нанесен ущерб их вере, культуре, языку и даже самому их существованию, опасение, которое, начиная с середины прошлого года, увы, оказалось более чем обоснованным, по крайней мере, в отношении некоторых районов.

Наконец, после ряда бесплодных попыток, в прошлом году, с согласия главных политических партий Индии, был принят план разрешения конституционных вопросов, удовлетворяющий главное требование мусульман о том, чтобы путем объединения районов, в которых преобладает мусульманское население, было основано независимое государство, а остальной части страны была предоставлена возможность основать другое независимое государство.

Один из феноменов распределения населения заключается в том, что мусульмане находятся в большинстве на северо-западе и на северо-востоке, тогда как весь район между ними населен главным образом немусульманами. Мусульмане составляют большинство населения в следующих провинциях на северо-западе: Синд, Пенджаб, северозападная пограничная провинция, а также управляемый из центра район Белуджистана; они также находятся в большинстве в провинции Бенгалия.

Но одним из положений этого соглашения было предусмотрено, что провинции Пенджаб на северо-западе и Бенгалия на северо-востоке подлежат дальнейшему делению и что от каждой из них будут отрезаны прилегающие друг к другу районы, в которых преобладает немусульманское население. Таким образом, западная часть Бенгалии была от этой провинции отделена и присоединена к доминиону Индии; восточная часть Пенджаба была отрезана и присоединена к тому же доминиону; западный же Пенджаб остался в пределах Пакистана на западе и Восточная Бенгалия была присоединена к нему на востоке.

На разделе Пенджаба настаивали, разумеется, не мусульмане и даже не индусы, а сикхи. Большинство сикхов населяет центральные районы провинции Пенджаб. Когда сикхи предъявили свои требования, лорд Маунтбаттен предупредил их, что раздел Пенджаба расколел их общину на две почти равные части, а потому во всех отношениях нанесет ущерб их интересам. Но они продолжали настаивать на своем, и требование их, поддержанное Конгрессом, было в конце концов удовлетворено.

Фактическое осуществление раздела этих двух провинций было поручено Пограничной комиссии или, вернее, председателю этой Комиссии сэру Сирилу Радклифу. Последний огласил свое решение 18 августа 1947 года. Все заинтересованные стороны оказались неудовлетворенными этим решением. Некоторые его аспекты могут действительно дать повод к серьезным возражениям, но здесь не место и не время разбирать этот вопрос.

Но даже прежде чем это решение было вынесено, начала обнаруживаться причина, по которой сикхи настаивали на разделе Пенджаба. Их требование всем нам казалось непонятным. По своей численности сикхи стояли в Пенджабе на третьем месте. Мусульмане были в большинстве,

на втором шли индусы, на третьем сикхи. Было трудно понять, почему самая незначительная из трех общин требовала раздела провинции на две части, когда в результате всякого раздела община сикхов должна была оказаться разбитой на две части. Когда раздел уже был в процессе осуществления, ходили слухи о том, в чем именно заключался план сикхов и, повидимому, сам вице-король лорд Маунтбаттен был знаком с их намерениями. Последующие конфиденциальные доклады правительства Пенджаба центральному правительству, которые, хотя они и не были опубликованы, но получили с тех пор некоторую огласку, свидетельствуют о том, что план сикхов, как он потом обнаружился на деле, был уже известен лорду Маунтбаттену.

Я теперь вернусь немного назад, с тем чтобы представить еще одно резюме событий, повлекших за собой трагедию, которой были отравлены отношения между доминионами и которая является главной причиной их разогласий.

Во второй половине 1946 года религиозные восстания и погромы имели место в различных городах, как например в Ахмадабаде, Бомбее, Калькутте, Бихаре, Гармхтесваре, Ноакхали и т. д. В этом деле ни та, ни другая сторона не были безупречны, но события в Калькутте и еще в большей степени в Бихаре и Гармхтесваре указывают на тщательно подготовленный и безжалостно выполненный план поголовного истребления мусульман в этих районах. В Гармхтесваре, расположенном на берегу священной реки Ганг, бойня совпала с религиозным индусским праздником, и воды Ганга, которые по индусской религии считаются священными не только в самой Индии, но и за ее пределами, подверглись по этому случаю умышленному загрязнению и профанации вследствие варварских жестокостей приверженцев индуизма, совершенных против мусульман, собравшихся на празднества, и бесчисленные трупы мужчин, женщин и детей сбрасывались в реку.

Ужас, вызванный среди населения этими событиями, распространился по всему индийскому субконтиненту. Человеческая жизнь должна быть священна, и человеческие страдания должны вызывать сочувствие, независимо от того, кто является жертвой, а кто — агрессором. Обе стороны виноваты. Но таковы факты.

К счастью до тех пор религиозная борьба не коснулась Пенджаба. Первым признаком конфликта было заявление, сделанное с лестницы Законодательного собрания в Лахоре 23 февраля 1947 года руководителем сикхской общины Тара Сингхом. Размахивая обнаженным «кирпаном», т. е. мечом, он заявил, что спор между сикхами и мусульманами будет решен мечом. Сикхи, добавил он, готовы и организованы для борьбы; они не ограничатся Восточным Пенджабом и решили прогнать мусульман за реку Инд.

За этим последовали такие же пламенные и провокационные призывы Джигани Картар Сингха и других сикхских вождей, выступавших в Лахоре в тот же вечер и в течение двух или трех следующих дней.

В Мультане, почти всецело мусульманском городе, расположенном к юго-востоку от Пенджа-

ба, приблизительно в то же время, т. е. 2 или 3 марта, местный вождь сикхов Нанак Сингх в пламенной речи объявил, что в этом году индуcский религиозный праздник, нечто вроде карнавала, до которого оставалось два или три дня, будет отмечен не кроплением красной водой (во время карнавала принято кропить друг друга красной водой), а красной кровью, явно намекая на кровь мусульман. В тот же или на следующий день студенты местного индуcского колледжа организовали демонстрацию и ходили по улицам города, в котором мусульмане представляют собой подавляющее большинство, громко крича «Кваид-е-Азам Мурдабад». Кваид-е-Азам является титулом, присвоенным мусульманской общиной г-ну Джинна, теперешнему генерал-губернатору Пакистана. Г-н Джинна является неоспоримо признанным и уважаемым вождем мусульманской общины. «Кваид-е-Азам Мурдабад» означает «Смерть Кваид-е-Азаму». Это дословный перевод, а в разговорной речи это означает «Да будет проклят Кваид-е-Азам». Ясно, что при любых обстоятельствах такой лозунг носит крайне провокационный характер, но это студентов не остановило.

Приблизительно в то же время в Равальпинди, городе Северо-Западного Пенджаба, население которого состоит главным образом из мусульман, организованная сикхами толпа демонстрантов, шедшая по улицам с обнаженными оружием в руках, напала на автомобиль, в котором находились мусульмане, убила одного из них, ранила другого и двинулась затем к Джумма Масджид, главной мечети в центре города. Слухи о событиях в Мультае и Равальпинди распространились по окрестным деревням, не утратив, разумеется, своего сенсационного характера.

Как я уже объяснил, оба эти города и их окрестности главным образом населены мусульманами. Так как страсти уже ранее в высокой степени разгорелись вследствие выступлений сикхских вождей, в особенности в Равальпинди, мусульмане решили, что сикхи уже приступили к выполнению своего плана прогнать их за реку Инд, которая протекает всего лишь в тридцати или сорока милях от Равальпинди; в результате всего этого разразились беспорядки, в течение которых много сикхов было убито или подверглось жестокому обращению, причем имущество их было разграблено, что опять-таки весьма прискорбно.

Как я уже сказал, безразлично, кто агрессор и кто жертва; человеческие страдания всегда являются крайне прискорбным явлением. Но таков фон, на котором совершаются эти события. У этих событий, однако, была одна характерная черта, которая до некоторой степени отличает их от событий, разыгравшихся в других частях Пенджаба, а именно, порядок был быстро восстановлен. Были произведены массовые аресты преступных элементов, и мусульмане даже подверглись со стороны полиции некоторым преследованиям.

Менее значительные беспорядки также имели место в Лахоре и в Амритсаре. Лахор был столицей Пенджаба до его раздела и является теперь столицей Западного Пенджаба. Этот город расположен приблизительно в 32 милях от Амритса-

ра, святого города сикхов. Атмосфера продолжала быть беспокойной и напряженной. Таков один из аспектов ситуации в Британской Индии.

Но каково было положение индийских княжеств в связи с разрешением конституционных проблем? Согласно положениям соглашения, впоследствии включенного в Закон 1947 года о независимости Индии, любое индийское княжество имело право присоединиться к Пакистану или к доминиону Индии, или — так по крайней мере утверждали сами княжества несмотря на энергичные протесты доминиона Индии — оставаться независимым. Фактически же ряд княжеств, желавших оставаться независимыми, были впоследствии насильно присоединены к доминиону Индии.

Я был весьма приятно поражен зачитанной нам вчера представителем Индии декларацией, согласно которой Кашмиру предоставляется право присоединиться к Индии или к Пакистану или же остаться независимым и войти в состав членов Организации Объединенных Наций. Мне бы хотелось, чтобы и другим индийским княжествам был предложен такой же выбор.

Передача полномочий фактически имела место 15 августа 1947 года. Этот день был «предусмотренной датой» согласно закону о независимости Индии. Оба доминиона были учреждены в тот же день. Решение об установлении границ было оглашено 18 августа 1947 года. Прежде чем это решение было оглашено, план сикхов, основанный на разделе, стал развиваться, и трагедия начала разыгрываться. В Восточном Пенджабе находятся следующие княжества сикхов: Капуртала, Фаридкот, Набха, Джин и Патиала. Вокруг Дели расположены следующие индуcские княжества: Баратпур, Альвар и Гвалиор. Все эти княжества присоединились к Индийскому Союзу. Из них лишь в Капуртале большинство населения мусульманское. Во всех других мною упомянутых княжествах мусульмане представляют собой значительную часть населения, но находятся в меньшинстве.

В июне 1947 года началась агитация за истребление мусульман в княжествах Баратпур и Альвар. Несколько позднее она распространилась и на Гвалиор. Национальные войска хладнокровно убивали мужчин, женщин и детей. Дело шло не о простой вспышке религиозного фанатизма. Мужчины, женщины и дети истреблялись солдатами, с тем чтобы избавить эти княжества от мусульманского населения. Дома, принадлежащие мусульманам, разрушались, их урожаи сжигались. Те мусульмане, которым удалось спастись, были изгнаны из пределов княжеств и превратились в бездомных бродяг, которые сотнями умирали на дорогах и в полях. Это было началом.

Мечети подвергались осквернению и разрушению. Сегодня во всем княжестве Альвар не осталось ни одной мечети. Варвары действовали во всяком случае логично. Раз не было больше мусульман, на что же сохранять мечети?

9 августа по инициативе Его Высочества маргарджи княжества Патиала началась организованная кампания геноцида, направленная против мусульманского населения Восточного Пенджаба. Вскоре все сикхские княжества и другие районы

Восточного Пенджаба были преданы огню и мечу. Начались трагические и страшные события.

Я позволю себе предложить вниманию Совета Безопасности краткий отчет о том, что имело место в Патиале. Этот отчет появился в газете, которая была причислена к коммунистическим органам печати. Название ее People's Age. Я прочту вам выдержку из номера от 28 сентября 1947 года; вот эта статья: «Первый выстрел раздался за пятнадцать дней до назначенного 1 августа часа. В этот день, по пробуждении, население узнало о том, что в княжестве Патиала был убит индус. Кем он был убит, никто не знал и, быть может, никогда не узнает, если только княжество не сохранило документов, касающихся всех своих секретных планов, документов, которые когда-нибудь попадут в наши руки. В один миг пять тысяч человек некоренного населения княжества, т. е. пришедших извне «беженцев», содержащихся на государственные средства в городских школах и на постоянных дворах, оказались на улице несущими тело несчастной жертвы. Это было сигналом для начала массовой резни, которая тогда распространилась по всему княжеству. Заметьте, что ни один местный житель не принимал участия ни в похоронной процессии, ни в бойне, которая за ней последовала. 3 августа распространился слух, что правитель, дипломатично отлучившийся из Патиалы как раз перед 1 августа, был убит мусульманским майором, по имени Фаруки. Вооруженные банды начали за это мстить. Войска княжества открыто к ним присоединились. В этот один день в одной лишь столице княжества Патиала было перерезано четырнадцать тысяч человек, принадлежащих к меньшинству». Речь идет о перебитых мусульманах. «Тем временем правитель прохладился на своей горной даче в Хаиле. События 1, а затем и 3 августа, были лишь предвестниками последующих нападений на поезд и массового истребления меньшинства, которое было намечено заранее. По железнодорожной линии между Амбалой и Саранг около пятнадцати станций находятся в пределах княжества Патиала».

Я остановлюсь здесь, чтобы пояснить значение этого замечания. Когда имел место раздел, пришлось отобрать должностных лиц и разделить правительственные учреждения. Надо было определить, кто отправится в Пакистан, а кто останется в Индии. Правительственные архивы также должны были быть разделены. В тех случаях, когда дела касались обеих сторон, приходилось снимать копии с документов, чтобы дать возможность новому доминиону Пакистана начать функционировать в своей столице Карачи, располагая соответствующим личным составом и необходимыми архивами. Эти архивы должны были быть доставлены из Дели в Карачи поездом. 9 августа первый специальный пакистанский поезд был на дороге из Карачи взорван динамитом в пределах территории княжества Патиала. Впоследствии около десяти специальных поездов было взорвано и причинены значительные убытки, пока, наконец, движение по этой линии не было приостановлено. Ввиду этого в течение довольно долгого времени правительственные учреждения в Карачи не могли начать функционировать по недостатку либо служащих, либо необходимых архивов.

Возвращаясь к чтению статьи: «Первое покушение на специальный пакистанский поезд было совершено здесь. С этого дня беженские поезда подвергались организованным ежедневным нападениям, причем пассажиры убивались и выбрасывались из вагонов. По некоторым подсчетам за шесть или семь недель, между 1 августа и 20 сентября, было убито не менее ста тысяч человек, принадлежащих к меньшинству, т. е. мусульман. Десятки тысяч бежали из княжества: тысячи были изгнаны другими путями. Все их имущество попало в руки близких родственников правителя и его сторонников.

После того как дело было сделано, правитель оставил свой хаильский гарем и сделал визит сирдарю Пателю», — это министр внутренних дел индийского кабинета. «Никому неизвестно содержание представленных им докладов. 25 сентября Патиала была объявлена «неспокойным районом».

Эта статья написана не мусульманином, а индусом. Вот что произошло в княжестве Патиала.

Мусульманское население всех этих княжеств, а именно: Альвара, Баратпура, Патиала, Набха, Джинда, Фаридкота, Капуртала и Гвалиор, — тем временем перестало существовать, т. е. оно было либо перебито, либо выселено. Как я уже сказал, в Капуртала большинство населения, насчитывавшее около 235 000 человек, было мусульманским. Сегодня в Капуртала не осталось ни одного мусульманина. Хотя, простите, я ошибаюсь; мне было сообщено, что там проживают еще двое. Двое, не две тысячи, не двести, а двое из 235 000.

Невозможно отрицать хотя бы косвенной ответственности, которую правительство Индии несет за события в этих княжествах; я буду говорить о Восточном Пенджабе несколько погодя. Убийцы были снабжены оружием военного типа. Вчера, развивая свою тезу, представитель Индии заявил, что, так как у тех, кто сражается в Кашмире, было найдено оружие военного типа, неизбежно приходишь к заключению, что оно было им доставлено пакистанским правительством. Я вернусь к этому вопросу позже. Тем не менее я хотел бы отметить теперь, что оружие, вооружение убийц в упомянутых мною княжествах, было военного типа даже в тех случаях, когда они не были дезертирами, что наблюдалось нередко. Разве мы имели право из этого заключить, как это было вчера здесь сделано от имени Индии, что это оружие было поставлено правительством Индии? .

Но сравните события в этих княжествах с тем, что произошло в крохотном княжестве, расположенном в том же районе Восточного Пенджаба — Малеркотла. Его со всех сторон окружают княжества Капуртала, Джинд и Набха. Правитель его мусульманин, тогда как большинство населения состоит из немусульман. Насколько мне известно, в этом княжестве не произошло ни одного инцидента. Я не стараюсь объяснить это тем фактом, что правитель княжества мусульманин. Но я утверждаю, что если правитель, мусульманин он или нет, твердо решил сохранить порядок в пределах своей территории, он это сделать может. Я утверждаю, что события, происшедшие в остальных княжествах, имели место по желанию прави-

телей, а войска этих княжеств осуществляли волю правителей.

Перейдем теперь к Восточному Пенджабу. В состав населения Восточного Пенджаба, включая население упомянутых мною княжеств, входило 6 000 000 мусульман. Сегодня из этих 6 000 000 осталось не более нескольких тысяч, и живут они в беженских лагерях в страхе за свою жизнь.

Передо мной лежат два отчета об этих событиях. Трагедия достигла таких масштабов, что потребовалось бы не одно, а много заседаний, чтобы обсудить все ее подробности. Однако отчет, который я вам сейчас зачитаю, даст вам некоторое понятие о ней. Этот отчет был опубликован в лондонской газете *The Times* от 25 августа и автором его является собственный корреспондент этой газеты в Пенджабе. Он следующим образом описывает положение:

«Опытные офицеры как великобританской, так и индийской армий, описывая происходящую в Восточном Пенджабе резню, говорят, что она «в тысячу раз ужаснее всего того, что им когда-либо приходилось видеть на войне». Сикхи решили воевать. Они очищают Восточный Пенджаб от мусульман, каждый день убивая тысячи людей, заставляя тысячи бежать на запад, сжигая мусульманские деревни и селения и в своем ослеплении предавая огню свои собственные дома. Эти насилия были организованы высшими сикхскими властями, и они проводятся систематически округ за округом. В некоторых крупных городах, как Амритсар и Джулундур, теперь царит спокойствие, так как там больше не осталось мусульман.

В конце недели за двухчасовую разведочную поездку по округу Джулундур я видел не менее пятидесяти горящих деревень. Сикхские джата или «банды» — «вооруженные толпы численностью от пятидесяти до ста человек, прежде чем предпринять ряд нападений, обыкновенно собираются в своих храмах, так называемых гурдварас. Многие джата переходят границы из сикхских княжеств. Вооружение типичного джата состоит из огнестрельного оружия в весьма небольшом количестве, военных и домашнего издолья ручных гранат, копий, топоров и кирпанов, т. е. сабель, являющихся также религиозной эмблемой. Мусульмане обыкновенно вооружены лишь палками. Когда им угрожает опасность, мусульмане собираются на крышах своих домов, бьют в гонги и барабаны, созывая на помощь соседние мусульманские деревни, и готовят себя защищаться камнями. Сикхи ведут атаку весьма искусно. Первая волна, вооруженная огнестрельным оружием, открывает огонь, чтобы согнать мусульман с крыш. Вторая — бросает гранаты через стены. Пользуясь возникшей сумятицей, третья волна, вооруженная кирпанами и копьями, приступает к настоящей резне. Последняя волна состоит из пожилых мужчин с длинными белыми бородами, среди которых есть много бывших бойцов регулярной армии в отставке; они несут факелы, специализируясь в поджогах. Всадники рубят кирпанами тех, кто пробует бежать.

Английские офицеры видели джата, среди которых находились женщины и дети, вооруженные копьями. Совершались ужасающие жестоко-

сти. Тела разрезали на куски. Никому не удалось спастись — ни мужчинам, ни женщинам, ни детям. В одном селе на пятьдесят убитых было тридцать женщин. Один из офицеров вице-короля нашел обугленные трупы четырех закаренных живьем младенцев.

Хотя джата часто возглавляются бывшими солдатами, которых весьма много в этом районе, они храбростью не отличаются. Один хорошо вооруженный джата, сжегший пятнадцать мусульманских деревень и убивший по крайней мере пятьсот человек, в конце концов был остановлен в небольшом мусульманском селе, в котором имелись лишь одно ружье и один пистолет, но которое храбро защищалось под командованием бывшего капитана индийской королевской армии, причем шесть человек нападающих было убито.

Двум английским офицерам удалось разогнать банду, собиравшуюся напасть на поезд, который был бандитами умело отведен на запасный путь. Молодой индусский пилот моего самолета фирмы Аустер разогнал к сожалению лишь на время несколько джата осветительными ракетами Верей. В подкрепление к трем батальонам пограничной стражи недавно был присоединен четвертый, но им приходится наблюдать за тремя обширными районами, и возложенная на них задача им не по силам. К тому времени, когда им доносят об одном инциденте и они принимают соответствующие меры, тот же джата появляется в другом месте. К тому же сикхские и индусские войска отказывались стрелять по сикхским бандам или же стреляли в воздух. Мусульманская полиция была разоружена 15 августа, а сикхская полиция грабила и убивала вместе с толпой».

Здесь следует отметить, что по крайней мере в некоторых из этих районов, как, например, в округах Джулундур и Ферозепор, а также в княжестве Капуртала, мусульмане составляют большинство населения. Это те районы, которые, несмотря на преобладание в них мусульманского элемента, были присоединены к Восточному Пенджабу по весьма несправедливому и пристрастному распоряжению сэра Сирила Радклиффа, превысившего свои полномочия и действовавшего вопреки полученным инструкциям.

При нормальных условиях сикхским джатам не удалось бы осуществить своих пагубных замыслов в этих районах, даже после того, как последние были намечены к присоединению к Восточному Пенджабу, если бы местная администрация и правительство, даже не защищая мусульман от нападений, ограничились сохранением справедливого равновесия.

У меня был дом в одном из этих районов; теперь его больше нет, ибо пока я представлял Пакистан в Организации Объединенных Наций он был разграблен. Мне известны подробности этого и других нападений в окрестностях. Сначала появлялась полиция; мусульманское село всегда намечалось заранее. Полиция приступала к обыску села в поисках находящегося в руках мусульман оружия. Не забудьте, что будущих жертв разоружали заранее. Оружие, на которое были выданы разрешения, конфисковалось, все, что могло служить для обороны, отнималось, а затем уведомлялись сикхские банды, которые напали в ту же ночь или на следующее утро.

Мне точно известно, что в некоторых случаях, когда мусульманам той или иной деревни удавалось успешно сопротивляться, полиция открывала по жителям огонь. Систематически село за селом очищалось от мусульман. Когда мой дом был разграблен, английская печать выразила мне глубокое сочувствие. Слухи дошли и сюда. Даже члены индийской делегации меня тогда посетили, чтобы выразить мне свое сочувствие; насколько мне известно, глава индийской делегации г-жа Пандит телеграммой обратила внимание своего брата, премьер-министра Индии, на создавшееся положение. Три дня спустя я был несколько удивлен тем, что те же члены индийской делегации заявили мне: «Мы были очень счастливы, узнав, что у вас дома инцидентов не было». Вот как индийское правительство проводит расследования и как оно опровергает сообщения.

Инцидентов не было! В этом городе в пятнадцать тысяч жителей, тринадцать из коих были мусульманами, сегодня осталось в центре деревни лишь триста человек, охраняющих удержанные нами две мечети и кладбище. Остальным пришлось бежать. Мусульманам, т. е. жертвам, было приказано после известного часа не выходить на улицу. Под этим предлогом мой дом наряду с другими был разграблен полицией и солдатами и двести человек были убиты ночью в своих домах; так был использован приказ о выходе на улицу.

Вот другой отчет, касающийся Джулундура. Автором его является специальный корреспондент лондонского Daily Telegraph. В четверг 21 августа он послал в свою редакцию следующую телеграмму:

«Джулундур, объявленный столицей новой индийской провинции Восточного Пенджаба, когда-то был чистым светлым городом; теперь это город смерти, который сегодня во время моего посещения был окутан дымом. Беспорядки начались в понедельник и дошли до своей кульминационной точки во вторник. У ворот города меня остановил молодой мусульманский капитан пограничной стражи. «Вы можете пройти на собственный страх и риск» заявил он. «Нас слишком мало, чтобы следить за порядком. Местные власти помогают бунтовщикам».

Я продолжал свой путь, сталкиваясь на каждой улице с сикхами, размахивающими саблями и нагромождающими бидоны керосина и хворост вокруг еще не сожженных мусульманских зданий. Полиция Пандита Неру не вмешивалась. Немного дальше на перекрестке дорог собиралась последняя кучка мусульманских беженцев. Это было все, что оставалось от 120 000 мусульман, которые составляли большинство населения этого города в 200 000 жителей. Индусский майор пограничной стражи безуспешно старался убедить их в том, что они будут доставлены целы и невредимы в лагерь для беженцев, находящийся под охраной. На другой улице были слышны крики поджигателей, грабящих и поджигающих дома этих несчастных, только что покинувших свои жилища. В общем считается, что тысяча мусульман мужчин, женщин и детей было убито в Джулундуре. Половина была сожжена живьем во сне во вторник ночью.

Позже я посетил несколько сел Восточного Пенджаба в стороне от главных дорог. В моем уме запечатлелись две картины: одна, повторявшаяся много раз — это картина маленьких групп мусульман, под охраной покидающих свои родные села, причем мужчины несут на голове циновки, служащие постелью для всей семьи, а женщины — драгоценные *хука*³ своих мужей: другая картина — это банда в двадцать вооруженных ружьями и саблями сикхов, крадущаяся к окруженному стеной селу, над которым возвышаются минареты мечетей. За стенами раздаются крики испуганных женщин. В тот день более чем когда-либо дороги были запружены беженцами, причем большинство были мусульмане, направлявшиеся на запад.

Мусульманская лига считает, что двести тысяч беженцев уже добрались до Пакистана. Находящийся у власти призрак администрации, конечно, не в состоянии справиться с положением, и поэтому следует опасаться эпидемий».

Тогда насчитывалось 200 000 беженцев; с тех пор их число достигло более пяти миллионов. Такова была ситуация в Восточном Пенджабе. Разрешите мне обратить внимание Совета Безопасности на положение в Дели. Я провел там несколько часов утром 4 сентября. Один из моих друзей, у которого я провел ночь, врач, пользующийся популярностью у всех общин, так как он беспристрастно помогал всем без исключения, спросил меня, не благоразумнее ли ему покинуть Дели ввиду напряженных отношений между общинами и присутствия в городе значительного числа вооруженных сикхских беженцев, пришедших из Западного Пенджаба и находящихся в весьма возбужденном состоянии. Я ему ответил: «Дорогой друг, это было бы глупо. Никакое правительство, достойное этого названия, не допустит такого осквернения своей столицы как то, которому подвергся Восточный Пенджаб. Оставайтесь здесь». На следующий день ему пришлось бежать в лагерь беженцев, чтобы спасти свою жизнь.

Вот, что произошло в Дели, столице Моголов, колыбели и очаге мусульманской культуры в Индии, столице Британской Индии до перемены власти и сегодняшней столице свободной Индии, где находится ее правительство.

Трагедия массовых убийств и грабежей продолжалась в Дели почти весь сентябрь 1947 года. Эти эксцессы были неотъемлемой частью детально разработанного секретного плана истребления мусульман. Главными исполнителями его были *Раитрия Сваям Севак-Санх*, террористическая организация индусского *Махасабха*, многочисленные банды сикхов, вооруженные современным оружием, широко поставляемым некоторыми сикхскими княжествами, очищенные от мусульман местная полиция и войска, среди которых рабочие члены *Раитрия Сваям Севак-Санх* усиленно распространяли антимусульманскую пропаганду, а также отчасти некоторые лидеры Индийского конгресса, которые в своих речах и статьях не скрывали своего сочувствия террористическим организациям индусов и сикхов и своего враждебного отношения к мусульманам.

³ Кальян.

3 октября в эдинбургской газете Scotsman появилась следующая заметка по поводу пагубного влияния, оказываемого индусским *Махасабха*: «В преобладающей теперь в Индии напряженной и горячечной атмосфере одним из наиболее опасных элементов является *Махасабха*, организация, олицетворяющая собой фанатичный индуизм и ненависть к мусульманам. Число членов этой организации сравнительно невелико, политическое ее влияние неопределенно, но способность ее пламенными лозунгами разжигать страсти индусской толпы вызывает справедливую тревогу».

Эта воинственная индусская организация предложила соблюдать 30 августа в Дели «День мучеников», о чем сообщалось в листовках, разбрасываемых в большом количестве. «Не забывайте 30 августа 1947 года» гласила одна из листовок «когда вы должны будете соблюдать «День мучеников». Этот день должен начаться массовым истреблением мусульман, не исключая детей и женщин. Стремитесь силой завладеть мусульманскими зданиями. Поджигайте мусульманские *мохаммасы* (кварталы города), «но следите за тем, чтобы огонь не распространился на индусские и сикхские районы».

В номере от 9 сентября 1947 года газеты Hindu Outlook, издаваемой секретарем индусского *Махасабха* г-ном Г. Дешпанде, была опубликована статья с призывом к индусам и сикхам: «1. Устранить настоящее правительство, состоящее из марионеток, и заменить его убежденными индусами». (Повидимому автор статьи считает, что настоящее правительство состоит лишь из слабых националистов.) «2. Объявить Индийский Союз индусским государством. 3. Подготовить страну к войне с Пакистаном».

Мой друг, представитель Индии, жаловался на то, что в издающейся в Карачи мусульманской газете Dawn было упомянуто о коммюнике индийского правительства о военных действиях в Кашмире как о «версиях противника». Но, как вскоре выяснилось, издательство Dawn в Дели было сожжено. Типографские машины были уничтожены. Газете пришлось переехать в Карачи, но несмотря на все это в оправдание ее можно сказать, что она, быть может, привела лишь коммюнике Свободного кашмирского правительства, для которого операции индийских войск, конечно, являются действиями противника.

Но если уже придавать столько значения сообщениям печати, вот официальный орган индусского *Махасабха*, в котором напечатан призыв к индусам о подготовке страны к войне с Пакистаном. Не следует забывать, что это произошло 9 сентября 1947 года.

Далее в статье говорится: «4. Ввести обязательную воинскую повинность и завербовать в армию всех молодых индусов. 5. Обращаться со всеми мусульманами как с членами пятой колонны. 6. Объявить мусульманское вероисповедание незаконным». Это означает, что ни один мусульманин не имеет законного права исповедывать свою веру в пределах Индии.

Заверение о том, что в случае беспорядков индусская полиция и войска не будут принимать участия в восстановлении порядка, было дано листовкой под заголовком «Приказ на сегодняш-

ний день», который гласил: «Военные и гражданские силы готовы вам помочь. Они вместе с вами будут истреблять мусульманских гадюк. Они ожидают для общего восстания лишь сигнала, который может быть дан в любой момент».

В надежде, что правительство, в конце концов, что-нибудь предпримет, чтобы спасти их от индусских и сикхских гангстеров, мусульмане, спасая жизнь, бежали из преимущественно индусских районов в мусульманские. Их временно успокоило заявление, появившееся 30 августа в передовой статье газеты Hindustan Times, являющейся официальным органом Конгресса Дели; оно гласило: «Власти, как им и надлежит, готовы принять соответствующие меры при любых могущих возникнуть обстоятельствах».

Сделанные в Индийском учредительном собрании обещания гарантировать право частной собственности и защите меньшинств все еще звучали в ушах мусульманской толпы. Мусульманские представители в Учредительном собрании отдали национальному индийскому флагу честь и безоговорочно обещали верно служить новому государству. Однако последующие события свидетельствуют о том, что обещанные гарантии в отношении защиты меньшинств не стоили бумаги, на которой они были написаны.

3 сентября напряжение привело к взрыву, и начались общие гражданские беспорядки, быстро охватившие весь город Дели. По сообщению корреспондента газеты Hindustan Times в районе Сабзиманди 3 сентября произошла поножовщина: «Утром паника распространилась по городу, в результате слухов о серьезных стычках. В окрестностях Дели было найдено пятьдесят девять трупов».

В течение следующих нескольких дней положение ухудшилось; нападения на мусульман и убийства стали нормальным явлением в городе, и движение мусульман из города в беженские лагеря, расположенные в Ольд Форт, Идга, в мечети Джумма и на могиле Хумаюна приняло массовый характер.

7 сентября корреспондент Hindustan Times сообщил о многочисленных убийствах в Карол Баге, Чаори Базаре, Джама Масиде, Туркоман гейт, Дарибе и Дели, а также в колонии на Лоди Роуд в Нью-Дели. «В отдельных частях города население находится в состоянии паники», гласило сообщение, «и при помощи полиции и армии жители районов, преимущественно населенных индусами, эвакуировались в более спокойные места. В настоящий момент транспорт прекращен. Беспорядки до того разрослись, что пришлось приостановить даже воздушное сообщение с Дели. Железнодорожное движение между Дели и Лахором уже остановилось, и мусульмане оказались в западне, когда стало невозможным покинуть Дели и бежать в другие места, кроме беженских лагерей, где условия жизни ничуть не лучше, чем в деревенских хлевах».

Индусские капиталистические газеты, как например, News Chronicle принадлежащий семье Дальмия, и Hindustan Times, принадлежащий Вирла, приложили все свои старания к тому, чтобы замаять сообщения о беспорядках в Дели и уменьшить значение страшных жестокостей,

совершаемых сикхами и членами *Раитрия Сва-ям Сивак Сангха* над беззащитными мусульманами, мужчинами, женщинами и детьми.

7 сентября от собственного корреспондента газеты *Times of India*, издающейся в Бомбее, была получена телеграмма следующего содержания: «Сегодня утром в первый раз на Коннот Плейс, в центре шикарных магазинов Нью-Дели, вспыхнули серьезные беспорядки. Совершив ряд убийств кинжалами, хулиганы ворвались в несколько магазинов на Коннот Плейс и разграбили их. Большинство ларьков с товаром было опрокинуто. Сегодня, начиная с 10 часов утра, полицией запрещено появляться на улице в районе Коннот Плейс как днем, так и ночью. Согласно сообщениям, поножевщина и поджоги имели место и в других частях города Нью-Дели, в частности, в Карол Баге, в районе базара Гол и в колонии на Лоди Роуд. *Томас* и дома были преданы огню и несколько человек зарезано. Пока эти события разыгрывались в Нью-Дели, город Дели в общем оставался спокойным, так как там полиция запретила выходить на улицу.

В газете *Yorkshire Post* от 6 сентября появилась следующая телеграмма, полученная от ее постоянного корреспондента: «В настоящее время в Дели мусульмане живут в терроре. Тысячи людей не решаются выйти из дому, опасаясь мщения со стороны беженцев, наводнивших столицу. Они не могут бежать в Пакистан по железной дороге, так как путешествие поездом через Восточный Пенджаб связано для мусульман с огромным риском вследствие частых нападений на поезда, совершаемых вооруженными бандами сикхов и индусов, разыскивающих мусульман. В городе Дели против мусульман почти ежедневно совершаются самые возмутительные преступления. Пока удалось предотвратить массовые насилия, благодаря строжайшему проведению полицией запрещения выходить на улицу, но мусульманское население в Дели находится в состоянии крайней паники...».

Корреспондент лондонской газеты *Times* в Нью-Дели писал тогда же: «Не проходит дня без поножевщины или стрельбы, причем жертвами неизменно являются мусульмане. Часто дома, в которых проживают мусульмане, силой у них отнимаются индусскими и сикхскими беженцами».

6 сентября *News Chronicle* опубликовал следующее известие, полученное от своего корреспондента в Нью-Дели:

«Ходят слухи, что толпа напала на среднюю школу, где происходили экзамены. Мальчикам, принадлежащим к одной определенной общине, было приказано встать, после чего они тут же были перерезаны». Ни один из участников этого преступления не был арестован или предан суду.

7 сентября 1947 года лондонская газета *Observer* пишет следующее:

«Вчера в течение многих часов толпой была парализована жизнь некоторых районов перенаселенного города Дели. Поджоги, резня, стрельба, и грабежи продолжались спорадически при дневном свете и достигли своей кульминационной точки перед наступлением ночи... Некоторые из самых кошмарных преступлений совершались под покровом темноты».

9 сентября 1947 года корреспондент в Нью-Дели лондонского *Daily Mail* сообщает под заголовком «Массовые убийства в Дели на глазах полиции» следующее:

«Банда сикхских налетчиков рыскала по элегантным кварталам Нью-Дели, выискивая и убивая слуг мусульманского вероисповедания и уничтожая их имущество. Другой бандой было убито по крайней мере пятьдесят мусульманских беженцев, ожидавших сегодня утром на железнодорожной станции Дели поезда в Пакистан. Полиция присутствовала при этом, но не вмешивалась. Очевидно, что приказ убивать на месте грабителей и поджигателей умышленно игнорируется, хотя этот приказ был повторен в более энергичных выражениях.

Сегодня с семи часов утра банды индусов и сикхов нападают на мусульманские дома и грабят магазины, вламываясь в них при помощи топоров и железных ломов. В Дели сейчас шесть больших пожаров. Я был свидетелем того, как в горящие на улице костры безостановочно бросают узлы с мусульманским имуществом. Сегодня вечером в районе Пахаргандж полиция старается спасти сто пятьдесят индусских девушек-христианок из монастыря Святого Сердца, которому угрожают мятежники и распространяемый ими пожар. К заходу солнца город был окружен кольцом пожаров. После многих часов усилий с наименее значительными из них удалось справиться; в мусульманских же районах ряды домов и небольших лавок горят ярким пламенем. Тысячи людей собрались на крышах, чтобы смотреть на пожары, прислушиваясь к звукам борьбы».

10 сентября 1947 года лондонская газета *The Times* опубликовала следующий отчет своего корреспондента о событиях в Дели:

«Офицеры, посетившие сегодня утром район Пахаргандж в Дели, сообщают, что они видели трупы только что зарубленных саблями мужчин, женщин и детей. Войска стараются эвакуировать оставшихся мусульман и им с трудом лишь удается удержать сикхов и индусов от нападения на беженцев.

В Дели городская полиция открыто сочувствовала бандитам во время беспорядков и, если бы при этом не присутствовали войска, в частности Гурки, под командой английских офицеров, дело кончилось бы общей резней мусульман и пожары распространились бы на огромную площадь. Сообщается о частых случаях полного бездействия полиции, безучастно наблюдавшей разграбление мусульманских лавок; когда же полиция было приказано открыть по толпе огонь, она умышленно стреляла в воздух. Большинство находящихся в Дели нейтральных наблюдателей весьма мрачно смотрит на положение и не видит, как можно помешать распространению этого безумия по всей Индии».

9 сентября 1947 года *Daily Telegraph* опубликовал следующую телеграмму своего корреспондента из Нью-Дели:

«В Нью-Дели, где небо все еще затянуто дымом от горящих мусульманских домов, продолжает свирепствовать террор, и число жертв за последние 24 часа исчисляется в 150 убитых и

250 раненых. Продолжаются взрывы гранат, ружейные выстрелы и от времени до времени стрельба из пулеметов. Не менее пятидесяти мусульманских беженцев было перебито, после того как их сняли с поезда, стоящего на железнодорожной станции Нью-Дели. Сикхи, не разбирая, рубили мужчин, женщин и детей, а индусские солдаты и полицейские даже не пытались их остановить».

Европеец, очевидец, приехавший в Карачи из Дели 9 сентября 1947 года, заявил: «Я убежден в том, что индийское правительство не в силах справиться с положением, и я не видел признаков того, чтобы правительство выполняло свои функции. Проходя по Притви Раж Род, я видел как сикхи громили дом № 37, принадлежащий мусульманскому предпринимателю г-ну Осману. Я перешел дорогу, с тем чтобы уговорить их перестать.

Перед домом стояло два виллиса, наполненных сикхами, один из коих, наведя на меня револьвер, на прекрасном английском языке крикнул: «Убирайтесь к чорту». Я повиновался.

Хозяин и его семья покинули дом несколько раньше. Слуги спаслись через черный ход, захватив с собой все что могли из хозяйского имущества. Сикхам досталось все остальное. Им никто не мешал. Затем оба виллиса, наполненные награбленным имуществом, отъехали от опустошенного дома.

Я посетил Коннот Серкас, чтобы повидать одного европейского друга. Придя на место, я увидел, как толпа сикхов грабила лавку Абдула Гани. Появилась полиция и стала наугад стрелять вдоль улицы, а не в налетчиков, которые продолжали грабить. Я быстро удалился.

Магазин мебели Хайата был разграблен среди бела дня, причем полиция находилась всего в нескольких метрах, наблюдая, но не вмешиваясь. Весь район Пахаргандж был охвачен пламенем. В Карол Баг каждый мусульманский дом был разграблен.

Я всюду наблюдал свободно разъезжающие автомашины и грузовики, битком набитые вооруженными сикхами. Откуда они брали грузовики, оружие и бензин? В понедельник утром перед моим отъездом два мусульманских офицера были убиты сикхами при исполнении служебных обязанностей на аэродроме Виллингдон».

Бригадир Десмонд Юнг, бывший издатель выходившей в Лакнау газеты Pioneer, позднее главный консультант индийского правительства по делам печати и военнопленный во время последней войны, а впоследствии заведующий департаментом связи с общественностью правительства Индии, находясь в Дели 12 сентября. Вот его свидетельство:

«За распространение преувеличенных слухов главным образом ответственны печать Дели, Всеиндийское радио, Ассошиэйтед пресс, Информационное бюро индийского правительства и, наконец, само правительство Индии. Если бы они исполняли свой долг и честно, точно и беспристрастно осведомляли общественное мнение, не было бы места — во всяком случае предлога — распространению ложных слухов. То, что этот долг не исполняется, становится очевидным при

сравнении их сообщений с последующими признаниями Пандита Неру, по радио.

Подобные примеры скрывания и искажения наблюдаются и в отчетах корреспондентов, сопровождавших Пандита Неру при его объезде Пенджаба, а также в коммюнике, изданном губернатором Восточного Пенджаба. Я никогда не видал такого утонченно тенденциозного искажения правды путем намеков любимым бюрократическим правительством. К счастью, корреспонденты двух наиболее серьезных органов лондонской печати посетили этот район самостоятельно и смогли сообщить о том, что видели.

Так как я убежден в том, что элементы, временно загнанные в подполье, будут представлять собой постоянную угрозу, если они не будут обличены, я считаю своим долгом заявить, что недавние беспорядки в Дели были результатом хорошо организованного заговора сикхов. Они первым делом задалась целью отравить жизнь мусульманам в Дели и Нью-Дели; их замыслы на более отдаленное время, быть может, еще более честолюбивы. От своей ближайшей цели, независимо от того, достигнута ли она была или нет, они едва ли отказались.

Если бы это было лишь моим личным впечатлением, вынесенным в результате двухдневного посещения этого района, я бы, разумеется, его не опубликовал. Я уже много лет не выражал своего мнения о положении в Индии и теперь, когда я покидаю Индию навсегда, я не хотел бы этого делать вновь. Но я уважаю единогласное суждение, которое вынес ряд ответственных лиц, занимающих самые различные положения; и так как все они, независимо друг от друга, поделились со мной своими впечатлениями в почти одинаковых выражениях и опираясь на факты, я не сомневаюсь в том, что их заключения хорошо обоснованы.

Тот факт, что большинство покушений на жизнь и имущество мусульман было совершено сикхами или под их руководством, неоспорим. В том, что сикхи были абсолютно лишены всякого чувства жалости и отличались при совершении убийств особой жестокостью, можно было убедиться еще на прошлой неделе, посетив Пахаргандж и Карол Багх. Очевидцы, с которыми мне приходилось говорить, могут засвидетельствовать, что налетчики были вооружены современным автоматическим оружием, бомбами и даже мортирами. Впрочем, они и не пытались скрывать своего оружия. Для каждого, находящегося на месте, было ясно, что нападения были приурочены к определенному моменту.

Вероятно менее известно то, что в течение дней и даже недель до начала беспорядков сикхи на виллисах, на мотоциклетах, на велосипедах и пешком производили разведку в загородных мусульманских районах, а также в мусульманских кварталах Дели и Нью-Дели. Хотя эта разведка делалась исподтишка, она не ускользнула от многих английских офицеров, которые спрашивали себя о ее цели. Со временем эта цель стала слишком ясной.

Предварительная кампания запугивания также проводилась в Нью-Дели, где, повидимому, вся мусульманская прислуга находилась на уче-

те. Одна европейская дама, жена одного из высших чиновников, получила от сикхов предупреждение через нанятого ею метельщика, что, если она не уволит своих мусульманских слуг, она сама погибнет вместе с ними, а дом ее будет разрушен. Тем же угрожали и одному британскому штаб-офицеру, который ответил, что он сумеет защитить своих слуг, а в случае надобности, и умереть с ними. (Его не беспокоили.) В другом доме мусульманская прислуга была фактически перебита бандой сикхов, которая была точно осведомлена о том, сколько в доме было мусульман и сколько индусов; первые были отобраны и индусам было велено отойти в сторону. Один индус, друг мусульманского офицера, взялся хранить вещи этого офицера во время его отсутствия. К индусу пришли на дом и заявили, что, если он дорожит своим собственным имуществом, домом и жизнью, он должен от этих вещей избавиться. Мусульманин, работающий на электрической подстанции с двумя сикхами, спрятался в одном из соседних домов; дом был немедленно посещен сикхским патрулем и хозяину его было приказано выдать мусульманина, но к счастью ему уже удалось бежать.

Я упоминаю об этих отдельных случаях, которые можно было бы умножить до бесконечности, в доказательство того, что теория, согласно которой беспорядки вспыхнули якобы неожиданно среди озлобленных сикхских беженцев из Пенджаба, не выдерживает критики. На самом деле сикхские беженцы, расположившиеся на аэродроме Виллингдона, совершали насилия и превратили аэродром и ведущие к нему дороги в западни для мусульман. Но сикхи, организовавшие нападения и руководящие ими, хорошо знали свой город Дели.

Кто был их вдохновителем? Откуда взялось оружие? Я этого сказать не берусь. Но некоторые правители сикхских княжеств, на чьих территориях происходили нападения на поезда на глазах полиции, которая даже оказывала помощь налетчикам, должны были бы удерживать членов своих семей от излишней болтовни в Дели, если они хотят избежать подозрения. Им следовало бы также рассеять сомнения в том, что они не ответственны за предложения сикхским солдатам дезертировать со своим оружием и за данные этим солдатам гарантии в том, что их недополученные жалованье и пенсии им будут выплачены.

Как я уже сказал, непосредственная цель заключалась в том, чтобы сделать мусульманам существование невозможным и лишить их заработков в Дели. Мусульманину потребовалось бы много храбрости, чтобы оставаться в городе, пока сикхам разрешается носить оружие, тогда как мусульмане безоружны, и пока Сирдар Патель сводит свой призыв к сохранению мира в городе к нулю заявлением, что он сумеет свести счеты позже. «Мы сумеем, когда представится более подходящий случай, подобающим образом свести счеты с теми, кто виновен в этой страшной трагедии», заявил Сирдар Патель, министр внутренних дел Индии, в своей радиопередаче от 12 сентября.

Остается лишь надеяться на то, что правительство Индии поймет, что если оно не примет против сикхов строгих мер, столица может ока-

заться в руках гангстеров, как это было в Чикаго во времена Ал Капоне. Гангстеры не питают уважения к правам человека. Если же порядок будет восстановлен, то мусульмане смогут жить в Дели в относительной безопасности, т. е. их будут терпеть.

Сирдару Пателю и некоторым другим лицам не мешало бы ознакомиться с честолюбивыми замыслами сикхов на будущее и пересмотреть текст речи, произнесенной Тара Сингхом непосредственно после падения коалиционного министерства в Пенджабе. В своем выступлении Тара Сингх угрожал, что сикхи опять завоюют Пенджаб мечом. Существует более одного возможного преемника Ранжит Сингха, что является источником разлада, на который, быть может, рассчитывают политические вожди Индии. Но кто бы ни оказался победителем, весьма невероятно, чтобы его претензии ограничились Западным Пенджабом.

Использовать сикхов для того, чтобы создать правительству Пакистана затруднения в надежде помешать этим выполнению его функций с самого начала, — эта политика будет очевидно соблазнительна для некоторых умов. Но человек, который держит за уши даже доброго волка, не может чувствовать себя вполне в своей тарелке.

В письме, адресованном другу в Англии и опубликованном 3 октября его газетой, Ральф Иззард, корреспондент Daily Mail в Нью-Дели, писал:

«Колония Лоди Род была стеной руководимого сикхами нападения, в результате которого мусульманские слуги многих европейцев были перерезаны.

В большинстве случаев налетчики держали себя с известной учтивостью — одному из наших друзей, они заявили, что, чтобы избежать пачкотни, они не убьют его носильщика в доме, а сделают это на веранде, что немедленно и было приведено в исполнение.

Говорят, что среди сикхов растет недовольство по адресу европейцев, так как большинство из нас спрятали своих мусульманских слуг и снабжали их продовольствием».

14 сентября кто-то выстрелил в сорокасемилетнего служащего английского банка г-на Джон Ирвина, который позже скончался в госпитале. 15 сентября в Daily Express появилось сообщение, что согласно показанию очевидцев стрелял индийский полицейский. Г-н Д. МакКей, другой служащий этого же банка, стоял около г-на Ирвина, когда в него стреляли. Он заявил корреспонденту Daily Express: «Мы наблюдали за тем, как грабили магазин на другой стороне улицы. Полицейские выносили товар из магазина. Один из них повернулся спиной к грабителям и выстрелил два раза наугад в нашем направлении».

Эта трагикомедия была описана корреспондентом Daily Mail следующим образом: «Насколько я могу судить, главная опасность положения заключается в том, что индийское правительство, по явно политическим соображениям, не желает открыто назвать сикхов виновниками настоящих беспорядков, каковыми они несомненно являются, и принять против них соответствующие меры. Таким образом действительные преступники не

только не призываются к ответу, но пользуются защитой правительства, которое их всячески ба-луэт».

«Правительство Индии, пишет Daily Mail от 3 октября «очень старается найти подходящего козла отпущения и сегодня преследования направлены против мусульман «укрывателей оружия». Любой мусульманин, в доме которого произведен обыск и найдена стамеска, пила, топор или мешочек марганцево-кислого калия, считается убийцей и возможным изготовителем бомб».

В номерах газеты People's Age от 28 сентября и 16 октября было сказано: «Таким образом, сопровождаемые лишь своими верными приспешниками, полицейские и военные делают обыски и конфискации. В индусской капиталистической прессе, находящейся в руках семей Бирлас и Далмиас старательно приводятся подробности о мнимом заговоре и огромных складах оружия... Чем объяснить, что склады мусульманского оружия неизменно обнаруживаются в районах давно покинутых самими мусульманами? Чем объяснить то, что было убито лишь несколько индусов и так много мусульман, что сотни мусульманских магазинов были разграблены, что все они закрыты и что тысячи мусульман бежали в лагеря для беженцев, если действительно мусульмане напали первыми и начали мятеж?».

Ральф Иззард, корреспондент Daily Mail, следующим образом описывает в своей газете от 3 октября систематические убийства и грабежи, совершаемые с помощью армии и полиции:

«Мне кажется, что фактически происходит следующее: банда индусов и сикхов нападает на мусульманский дом, скажем, в Пахаргандже; отец семейства, загнанный в угол, стреляет два или три раза из дробовика, на который ему выдано разрешение; появляются полиция и солдаты, обстреливают дом из пулемета и бросают ручные гранаты, — в результате сведен счет с одним мусульманином, обладающим огнестрельным оружием и представляющим собой «угрозу» для мирных соседей-индусов. Можно убедиться в том, до чего пали моральные устои полиции и армии: лишь на днях я видел, как толстый *хавилдар*⁴ спал на *чартой*⁵ под аркадами Connaught Place, пока банда сикхов грабила магазин всего лишь в четырех домах от него. В прошлый понедельник четверо из нас стояли на Челмсфорд род и наблюдали за тем, как Ромаонские стрелки в продолжение почти трех часов фактически оказывали помощь убийцам и грабителям; и это было после издания приказа «стрелять по грабителям». В настоящее время дисциплина до известной степени восстановлена, но все еще случаются самые невероятные ее нарушения. Даже Гурки, на полки которых вообще можно положиться, обнаруживали иногда распушенность.

Случай, который может служить примером, имел место в прошлую среду на вокзале Дели; мусульманин был избит до смерти клюшками для игры в хоккей, причем, по словам очевидца-европейца, Гурки присутствовали при этом, но не вмешались.

⁴ Унтер-офицерский чин.

⁵ Кровать из дерева и веревок.

11 сентября собственный корреспондент газеты The Times of India писал: «В первый раз за четыре дня город был спокоен, но в некоторых районах это было спокойствие кладбища. Главной деятельностью сегодня была чистка улиц и общественных мест».

12 сентября в газете The Times of India, издающейся в Бомбее, было напечатано следующее сообщение: «1) Тысячи домов и магазинов сожжены, разрушены или разграблены; 2) тысячи мусульман оторваны от своих обычных занятий и скучены в беженских лагерях под охраной индийских войск; 3) нормальная жизнь города почти полностью парализована, причем семьям и стелям выдаются строго ограниченные пайки; 4) тысячи голов беспризорного скота и лошадей, выпряженных из разбитых тонгас⁶, бродят по улицам и незастроенным кварталам и пасутся на пышных зеленых лугах, окружающих город».

11 сентября контора единственной выходящей в Индийском Союзе на английском языке мусульманской ежедневной газеты The Dawn и типографский отдел Dawn в Дарьягунже подверглись нападению террористов организации Раштрия Севак Сангх и сикхов секты Акала. Британская корпорация радиовещания (В.В.С.) назвала это нападение «Двухчасовой битвой между нападающими на типографию и войсками». Канцелярское оборудование было разграблено и здания подожжены. С тех пор газета The Dawn в столице Индийского Союза более не издается. В Восточном Пенджабе, в Дели и в соединенных провинциях более не существует газеты на английском языке, издаваемой под мусульманской эгидой.

А мой ученый коллега, представитель Индии, жаловался на то, что газета The Dawn называет коммунике индийского правительства «версией противника».

Правительство Индии придралось к английской печати. Корреспондентом лондонского Times в Нью-Дели было сделано следующее сообщение:

«Сообщают, что в Калькутте с 1 сентября введена цензура на все телеграфные сообщения, касающиеся местной ситуации, независимо от того, предназначаются ли они для Индии или для заграницы. В Индии как будто впервые после окончания войны отправляемые телеграммы подвергаются цензуре».

За это сообщение у корреспондента были неприятности.

На конференции прессы, состоявшейся 27 августа в Нью-Дели, Пандит Неру сделал несколько резких замечаний корреспондентам всех стран мира. Он заявил, что «по его сведениям некоторыми корреспондентами недавно были посланы из Индии телеграфные сообщения, носящие крайне тенденциозный характер и направленные к тому, чтобы скомпрометировать определенные группы или партии. Не желая ограничивать свободу печати, он считает своим долгом отметить, что некоторые лица злоупотребляют оказанным им гостеприимством. Теперь отношения между Индией и другими странами могут испортиться». Пандит Неру предупредил, что «не следует забывать, что с 15 августа ситуация изменилась».

⁶ Конская повозка.

Газета *Yorkshire Post* в своем номере от 29 сентября сообщает: «Даже в Дели, в городе, где находится правительство Конгресса и где более чем где бы то ни было должен поддерживаться порядок, тысячи мусульман живут в нищенских условиях беженских лагерей, не смея возвратиться в свои дома. Любой беспристрастный наблюдатель не может не признать, что резня была начата сикхами, которых индусское правительство не могло или не пожелало удержать».

30 сентября вооруженные банды из соседних сел произвели нападение на госпиталь в Сафдар-жунге. Четверо больных было убито и тринадцать серьезно ранено. Однако 26 сентября г-н Ганди, выступив с речью на молитвенном собрании, заявил: «Если Пакистан будет продолжать упорствовать и не признавать своей ошибки, которую он старается преуменьшить, индийскому правительству придется против него воевать».

Лондонская газета *Truth* отмечает в своей передовице от 3 октября: «Теперь святой человек говорит в агрессивном тоне о войне с Пакистаном. Он несколько неуместно для этого выбрал молитвенное собрание, на котором он в первый раз выступил в качестве военного вождя, угрожая Пакистану войной, если последний не признает своей ошибки. Г-ну Ганди 78 лет и ему осталось жить недолго. Отсюда его философское отношение к кровопролитию; если бы [даже] все индусы были уничтожены, сказал он, ему это было бы безразлично».

Несмотря на последовавшее «разъяснение», эта речь лишь подтверждает подозрение, что Ганди более не отвечает за свои слова и действия и что место ему в доме для умалишенных. Несмотря на это, он все еще имеет большое влияние на индийское правительство и, по всей вероятности, его безумные и опасные советы принимаются всерьез».

Я не говорю, что согласен с этим корреспондентом или что посмею употребить его выражения, я лишь цитирую его слова.

В лондонском *Inquirer* от 4 октября сообщается: «Многие будут поражены неожиданным отечением г-на Ганди от пацифизма. Несмотря на то, что он впоследствии скрасил свое, по всей вероятности, искреннее заявление, вопрос так и не был выяснен. Пацифист ни при каких обстоятельствах не может санкционировать войну, ни даже примириться с ней. В первый раз за его долгую жизнь пацифизм г-на Ганди был действительно подвергнут испытанию весьма тяжелой обстановкой, при которой его убеждения в самом деле столкнулись с вопросами жизни и смерти. Одной из слабых сторон пацифизма всегда было, что не могло быть уверенности в том, до какой степени он устоит перед настоящими жестокостями, подобными тем, которые совершались нацистами и совершаются еще теперь в разных частях Индии. Если пацифизму не под силу справиться с подобными ситуациями, то он не способен и служить щитом для цивилизации. Одно дело быть пацифистом под властью британского правительства, а другое не потерять этой веры перед лицом бессмысленной и безобразной резни».

Лондонский журнал *Economist* от 4 октября в своей передовой статье пишет: «Теперь от-

крыто говорят о войне и в Индии существует сильное движение в пользу превращения Индии в индусское государство, в котором мусульмане будут лишены прав гражданства. Но он (Неру) находится под сильным влиянием тех элементов Конгресса, которые воодушевлены религиозным чувством и религиозные предрассудки которых были в период, когда провинции находились под управлением Конгресса, т. е. с 1937 по 1939 год, одной из главных причин, побудившей значительное число мусульман присоединиться к Мусульманской лиге. К сожалению г-н Ганди дал толчок крайним течениям среди индусов, заявив в своей речи, что хотя он лично и продолжает быть противником насилия, если не будет другой возможности добиться справедливости от Пакистана, индийскому правительству придется прибегнуть к войне; в глазах многих индусов его замечание, что война против Пакистана явится справедливой войной, поскольку войны вообще могут быть справедливыми, может оказаться более веским, чем его идеалистически пацифистская доктрина».

Собственный корреспондент *The Times* от 5 октября пишет: «Несомненно то, что несмотря на красноречивые призывы г-на Ганди, Пандита Неру и других индийских вождей к терпимости, отношения между религиозными группами отравлены и атмосфера напряжена до крайности. Если сегодня в Дели и в других больших центрах относительно спокойно, это спокойствие является результатом нетерпимости, так как путем убийств и изгнания меньшинство почти уничтожено».

Таким образом в городе Дели целые улицы мусульманских кварталов покинуты и разграблены, причем занимавшие дома жители либо бредут по дорогам и едут по железным дорогам, направляясь в Западный Пенджаб, либо скучены в беженских лагерях, терпя крайнюю нужду и страх... Их жизнь и их имущество находятся в постоянной опасности. Трудно вообразить возбужденную всем этим ненависть и жажду мести. Не считая небольшой группы просвещенных вождей, население доминионов Индии и Пакистана получает в наследство взаимное недоверие, которое будет их долгие годы преследовать и препятствовать государственному строительству».

На одном из своих молитвенных собраний г-н Ганди признал следующие факты: «Теперь как будто установилась новая система. Сикхи с обнаженными саблями, которые, повидимому, заменили их короткие *киртаны*, одни или вместе с индусами посещают дома мусульман и выселяют их. Это чудовищное положение для нашего столичного города».

20 октября газета *The Birmingham Post* опубликовала следующее сообщение: «В Индии у мусульман, которых все еще насчитывается около сорока миллионов, производятся обыски с целью конфискации оружия; их убеждают отречься от мусульманской религии и доказать верность стране, в которой они проживают, тем, что они всецело полагаются на милость людей, чьи соплеменники перерезали мусульман на севере. В качестве альтернативы им постоянно предлагается в спешном порядке направиться в Пакистан, покинув свои наследственные дома, землю,

предприятия и имущество... В Индии существует сильное движение в пользу учреждения всецело индусского государства со столицей Дели. Движение это поддерживается многими сикхами, потерявшими отошедшую к Пакистану часть родной земли и не получившими взамен ничего, а также и многими индусами. Индийское правительство противится этому движению и все еще претендует на соблюдение принципа равенства религиозных общин. Даже кабинет министров не всегда по этому вопросу единодушен, и политика терпимости объясняется главным образом сильным влиянием Махатма Ганди, духовного отца индийского кабинета. Образовалась крайне взрывчатая ситуация, причем осложнения существуют на юге, на севере и на западе, т. е. в княжествах Хайдарабад, Кашмир и Джанагад, на которые претендуют и Индия и Пакистан, и где индусы и мусульмане вооружаются, готовясь к будущему конфликту, избежать которого удастся лишь при исключительно счастливых стечении обстоятельств».

В другой произнесенной после молитвенного собрания речи г-н Ганди заявил, что 137 мечетей были осквернены в Дели и Нью-Дели, причем в некоторых из них были поставлены идолы, а другими пользуются по своему усмотрению беженцы.

В подобном же выступлении г-н Ганди, говорят, заявил «что один мусульманин принес ему наполовину сожженный Коран. Коран был завернут в лоскут материи; мусульманин показал его г-ну Ганди со слезами на глазах и ушел, не проронив ни слова. Человек, старавшийся таким образом надругаться над Кораном, нанес оскорбление своей собственной религии. Ганди обратился к индусам и сикхам с призывом, чтобы они воздерживались от разрушения своей страны и религии».

Вот сообщение Associated Press of India из Лахора, датированное 4 декабря: «По поводу нападения, совершаемых солдатами индийской армии на мусульманских девушек в железнодорожных поездах, правительство Пакистана заявило правительству Индии протест.

Две мусульманские 14-летние девочки были в беженском поезде многократно изнасилованы чинами индийского конвоя. Поезд 11 ноября вышел из Дели и направлялся в Лахор. В Лахоре девочки осмотрели независимые медицинские эксперты, показания которых вместе с заявлениями девочек препровождаются индийскому правительству.

Четырех молодых мусульманских девушек, ехавших в пакистанском воинском поезде, вышедшем из Хадрат Низамудина 28 ноября, солдаты втащили в занятое ими отделение и там изнасиловали.

Протест относился к нелегальным обыскам, совершенным индийскими конвойными. Мусульманский беженский поезд, шедший 30 ноября в Вальтон, был на три с половиной часа задержан на вокзале Джандиали, где у беженцев были отняты их наличные деньги, украшения и другие ценности, несмотря на предшествующий тщательный обыск и задержку на станции Аттари. Сопровождавшие поезд конвойные-немусульмане

приказали беженцам «не разглашать этих инцидентов».

Пакистанское министерство по делам беженцев, настаивая перед правительством Индии на немедленном принятии высшими властями соответствующих мер, заявляет, что эти инциденты, в которых замешаны индийские солдаты, состоящие при беженцах в качестве железнодорожного конвоя, хладнокровно пренебрегающие своим долгом, солдаты, которые насильствовали мусульманских беженцев, носят еще более серьезный характер, чем насильствование молодых девушек немусульманской толпой».

Таковы некоторые инциденты и таковы сообщения нейтральных наблюдателей, указывающие на то, что происходило в самой столице. Пять миллионов беженцев в состоянии крайней нищеты были изгнаны из этих районов и ведут теперь жалкий образ жизни в Западном Пакистане. Не следует забывать, что Кашмир находится в противоположном от Дели конце Западного Пакистана и что пять миллионов беженцев, наводнивших Западный Пакистан, происходят именно из этих районов. Некоторые подробности носят кошмарный и душераздирающий характер. Требования приличия не позволяю мне упоминать о них; поэтому я их опускаю.

Во имя справедливости следует добавить, что когда эти ужасы начались в Восточном Пенджабе, бежавшие оттуда мусульманские беженцы принесли своим братьям в Западном Пенджабе вести о случившемся и показали им свои раны. Тогда в Западном Пенджабе произошло мусульманское восстание против немусульман. Была резня, были грабежи, поножовщина и поджоги.

Несущественно, кто был жертвой и кто агрессором. Неважно, были ли эти события результатом провокации или нет. Все они, независимо от того, на чьей стороне они происходят, унизили и позорны. Для того чтобы отдать себе отчет в том, что произошло вслед за этим в Кашмире, необходимо помнить, что эти события имели место и что они продолжаются.

Что касается Западного Пенджаба, то события там были характерны в следующем отношении. Во-первых, все началось после того как слухи о совершенных на востоке зверствах дошли до Западного Пенджаба, во-вторых, убийства к счастью там не достигли такого широкого масштаба. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, мусульмане не собирались убивать кого бы то ни было, восстание было результатом провокации и носило характер внезапной вспышки, во-вторых, уход сикхов из Западного Пенджаба протекал согласно плану. Таким образом, жизнь многих, которые иначе были бы убиты, была к счастью спасена.

Перейдем теперь к вопросу о самом Кашмире. Это княжество было в 1846 году куплено правителем настоящего правителя у Британской ост-индской компании за 7 500 000 рупий, что представляет собой менее 2 500 000 долларов.

По религиозному признаку население Кашмира распределяется следующим образом: в самом Кашмире, не считая Джамму, 93,5 процента населения принадлежат к мусульманской вере. Шестьдесят два процента населения Джамму так-

же являются мусульманами. Считаю Джамму и Кашмир вместе, 78 процентов населения — мусульмане. Все население насчитывает приблизительно 4 000 000 человек.

Население Гилгита, северо-западного района, расположенного высоко в горах и часть которого граничит с СССР, на сто процентов мусульманское. Общая площадь княжества, большая часть которого покрыта высокими горами и неплодородными холмами, равняется 82 000 квадратных миль. Район этот известен своей красотой. Население княжества славится не меньше. Его артистические таланты общеизвестны. Не всем, однако, известно то состояние нищеты, до которого дошло население в результате века безудержной тирании и угнетения под господством Догра, так что трудно даже сказать, что является большей трагедией для Кашмира: жизнь или смерть. Смерть часто является освобождением от нескончаемой цепи страданий, нищеты и лишений, которые начинаются с колыбели и кончаются лишь в могиле.

Картина, которую я вам описываю, не является преувеличением. Мои слова могут быть подтверждены шейхом Абдуллой, которому хорошо известна бедность, нищета и унижения, которым подвергался его народ за последнее столетие. Для среднего кашмирца сытный обед представляет собой редкую роскошь. Хорошо известно, что даже прежде чем магараджа унаследовал трон своего покойного дяди, несколько чеков в несколько миллионов долларов каждый не представляли для него особой ценности и потеря их для него была бы неощутительна. Однако каждый цент каждого из этих миллионов долларов представляет собой для любого из его несчастных подданных часы нищеты, мук и страданий. Я уверяю Совет Безопасности, что эта краткая характеристика положения среднего кашмирца более чем точна. Эти забитые и несчастные люди в своем отчаянии иногда реагировали как червяк в поговорке. Изнуряющей нищетой и постоянным угнетением почти удалось превратить этот достойный, храбрый и высокоталантливый народ в покорных рабов. Но восхищение наполнило сердца всех свободолюбивых людей, когда стало известно, что в борьбе за самые элементарные права человека и за облегчение ига тирании, под которым они постоянно томилась, несчастные были скоплены пулями войск Догра, против которых они восстали в 1931 и 1932 гг., и, вместо того чтобы спастись бегством, обнаженной грудью встретили пули. В эти трагические и геройские дни, когда лилась кровь кашмирцев, судьба династии Догра была решена. Ее господство продолжалось еще несколько лет под покровительством Великобритании, но конец ее был лишь вопросом времени.

Каково же было влияние восстания 1931 и 1932 гг. за пределами княжества на соседней британской территории? Были ли англичане, сюзерены магараджи, обязанные по договору поддерживать и защищать его правление, в силах, благодаря своим могучим ресурсам, удержать население британского Пенджаба от вмешательства в борьбу? Восемьдесят тысяч мусульман Пенджаба, бросившиеся на помощь кашмирскому народу, были брошены в тюрьмы и государственных лагеря. За что же боролся кашмирский на-

род? В первую очередь, конечно, за освобождение от тирании и угнетения. Но он также боролся против обидных и раздражающих законов и обычаев, как например: когда бедняк-кашмирец, живущий в нищете, убеждался в том, что его корова не может больше давать молока и лишь пригодна для бойни, и когда, желая сохранить мясо для себя самого, своей семьи, своих друзей и соседей, он сам убивал корову, то еще несколько лет тому назад его поступок считался тяжким преступлением. Г-н Гопаласвами Айянгар, имевший в течение многих лет честь быть премьер-министром Кашмира и старавшийся управлять этим княжеством мудрым и гуманным образом, подтвердит мои слова. Несколько лет тому назад наказание было смягчено, но акт убийства собственной старей, никуда не годной коровы все еще наказывается семью годами строгого тюремного заключения. В то время ко всем кашмирцам применялась система принудительного труда. Когда магараджа желал поохотиться, изо всех деревень сгонялись молодые и сильные мужчины, чтобы нести в горы его поклажу и ружья и нести их обратно вместе с охотничьими трофеями. Когда бы магараджа ни нуждался в их услугах, эти люди были обязаны на него работать.

Вся земля принадлежала магарадже. Никто другой не имел права владеть ею. По распоряжению магараджи, любой крестьянин мог быть изгнан со своей земли, независимо от того, в течение скольких поколений ферма была занята его семьей. Когда мусульманин переходил в индуистскую религию, он сохранял за собой все права собственности. В обратном случае, когда индус переходил в мусульманство, он лишался, согласно закону княжества, всех прав на свою часть общего имущества семьи. Некоторые реформы были проведены по судебным решениям. Было учреждено законодательное собрание, что немного облегчило судьбу кашмирцев.

Мы подходим теперь к событиям прошлого года. Вследствие соглашения по вопросам конституционного порядка, заключенного между англичанами и индийцами, с одной стороны, и различными индийскими районами, с другой, магарадже представился весьма трудный выбор. Географические и экономические соображения, равно как пожелания и чаяния подавляющего большинства народа, указывали магарадже один определенный путь, т. е. присоединение к Пакистану, причем есть основания предполагать, что правитель в какой-то момент склонился к этому решению.

Во всяком случае, он заключил с Пакистаном «соглашение о статус кво». Следует объяснить, что означает такое соглашение. Когда Индия, до своего раздела 15 августа 1947 года, была единым политическим целым, она обладала общей системой обороны, общей железнодорожной, почтовой, телеграфной и телефонной сетью, равно как и множеством других общих служб. Если бы 15 августа, когда официальный, а в некоторых местах и фактический, раздел между доминионами имел место, пришлось урегулировать все эти вопросы, то создалась бы исключительно сложная ситуация. Невозможно было одним росчерком пера создать новую валюту, разделить все службы связи, вооруженные силы и т. д. Поэто-

му Пакистан и Индия подписали соглашение о статус кво, которым предусматривалось, чтобы общая система продолжала действовать в течение некоторого времени без перемен, а для урегулирования различных вопросов были установлены соответствующие сроки. Отдельные княжества также заключили между собой соглашения о статус кво. Каждое из них вступило в такое соглашение либо с доминионом Индии, либо с доминионом Пакистана в соответствии со своим собственным положением и нуждами, причем была сделана оговорка, что общие службы, главным образом службы связи и т. п., будут продолжать свою работу на прежних основаниях.

Соглашение о статус кво было заключено и магараджей Кашмира с Пакистаном. Впоследствии магараджа, повидимому, начал склоняться в другую сторону. Но тут возникла проблема в отношении его собственного народа. Как я уже сказал, 78 процентов населения были мусульманами. Учитывая географическое положение Кашмира и распределение его населения, магараджа понимал, что малейший его жест с целью присоединения к Индии, пока народ его способен протестовать и требовать присоединения к Пакистану, мог ему стоить трона.

Но вопрос был разрешен другими индусскими княжествами Пенджаба. В Капуртале, например, большинство населения было мусульманское, но магараджа просто избавился от него. Вот каким образом был разрешен этот вопрос. Магараджа Кашмира, вероятно, решил, что если будет убито несколько тысяч его мусульманских подданных, их вожди брошены в тюрьму и около миллиона изгнано, то остальные, вероятно, в достаточной мере будут смиренны. Повидимому, этот план и был им принят.

В сентябре войска магараджи приступили к истреблению мусульманского населения как в Джамму, так и в Кашмире, и в особенности в той части княжества, которая известна под названием Пунча. Пунча — это небольшое княжество, управляемое членом старшей линии семьи магараджи, причем правитель Пунча является вассалом магараджи Кашмира. Но к его несчастью, по крайней мере 70 000 жителей Пунча сражались в последней войне на стороне Объединенных Наций, а потому с ними было не так легко справиться.

Вот текст телеграммы премьер-министра Пакистана от 29 октября 1947 года на имя премьер-министра Соединенного Королевства:

«Нет сомнения в том, что войска магараджи в Пунче первые напали на мусульман. Женщины и дети искали убежища в Пакистане и с нашей границы были видны их горящие села. Несомненно, что после этого те же самые войска начали резню мусульман в Джамму. Бригадир, командующий пограничным участком между Джамму и Сьялькотом, признался бригадиру, командующему пакистанскими войсками, что он получил приказ очистить от мусульман полосу в три мили шириной и что исполняет он этот приказ при помощи автоматического оружия и мортир. Не подлежит сомнению, что вооруженные банды неоднократно врываются в Пакистан под руководством офицеров магараджи. После одного такого набега около одной из наших деревень

было обнаружено 1 760 трупов мусульман. В настоящее время около 100 000 мусульманских беженцев из Джамму находятся в Западном Пенджабе».

Положение еще усложнилось, когда сикхские беженцы из Западного Пенджаба и добровольцы организации *Раширия Эвайям Сивак Самх* появились в Джамму и начали массовое истребление мусульман.

Сам шейх Абдулла указывает на эти события как на причину беспорядков в Кашмире. 21 октября в Нью-Дели, выступив с речью на приеме, устроенном в его честь, и говоря о присоединении Кашмира, он отметил, что Пакистан жаждет этого присоединения вследствие стратегической позиции Кашмира, так как если это княжество присоединится к доминиону Индии, Пакистан окажется окруженным со всех сторон.

Отчет о его заявлении далее гласит: «Говоря о трудностях, с которыми сталкивается народ, вынужденный принимать решения в отсутствие ответственного правительства, шейх Абдулла заявил, что события, разыгравшиеся в некоторых княжествах, как например Патяла, Бхаратпур, Капуртала и пр., естественно вызвали опасения у мусульман Кашмира, составляющих большинство населения. Они боялись, что присоединение княжества к Индии для них не безопасно».

Шейх Абдулла заявил, что настоящие беспорядки в Пунче, находящемся в вассальной зависимости от Кашмира, объясняются неблагоприятной политикой княжества. Население Пунча, которое страдало под гнетом своего местного правителя и его сюзерена, магараджи Кашмира, восстало, чтобы добиться справедливости. Это движение не носило религиозного характера. Кашмир послал для умирения свои войска, и паника охватила Пунчу. Но большинство взрослого населения Пунча, по словам шейха, состояло из ветеранов индийской армии, тесно связанных с жителями Джелума и Равальпинди, городов Западного Пакистана.

Они эвакуировали своих жен и детей, перешли границу и вернулись с оружием, которым были снабжены расположенными в их пользу людьми. В результате, кашмирские войска были принуждены в некоторых районах отступить».

Вот как начались беспорядки и притеснения населения Пунча кашмирскими войсками. Значительное число жителей Пунча прежде служило в индийской армии; это было, когда Индия была единой, еще не разделенной страной. Ввиду зверств, совершаемых в других районах и которые им теперь угрожали, они были принуждены эвакуировать своих жен и детей из Пунча в Западный Пенджаб и затем вернуться сражаться, вооруженные тем оружием, которое им одолжили или отдали друзья и родственники в Западном Пенджабе. Не является ли это точным повторением того, что было сообщено премьер-министром Пакистана как причина и происхождение беспорядков, и не было ли это опровергнуто Индией? Представитель Индии присутствует в этой зале. Он может сказать вам, правильно ли я изложил положение.

Опять-таки, в газете *Statesman* от 22 октября о речи шейха Абдуллы сообщается следующее:

«Выступив сегодня с речью на одном приеме, шейх Абдулла, лидер националистов Кашмира, настоятельно просил оставить Кашмиру время обдумать вопрос о том, к какому из двух доминионов ему следует присоединиться. «Тем временем», сказал он, «друзья наши могли бы помочь нам освободиться от авторитарического режима». Далее он сказал: «С другой стороны, мусульмане узнали о судьбе, постигшей мусульман в Капуртале, где, несмотря на то, что они были в большинстве, они подверглись поголовному истреблению. В этом княжестве не найти теперь ни одного мусульманина. Та же судьба постигла их в Альваре, Бхаратпуре и Капуртале, где мусульманское население было либо истреблено, либо выселено; ясно, что того же можно опасаться и в Кашмире». Это собственные слова шейха Абдуллы.

Я представляю теперь отчет о событиях в самом Кашмире. Вслед за тем, что произошло в Джамму и в княжестве Кашмир, понемногу оргия грабительства, убийств и поджогов охватила весь Кашмир. 4 октября было объявлено, что население ряда деревень, включая Джандала, Макхалкотли, Навал Данна и Чирала, было сожжено заживо в своих домах. Предполагается, что навряд ли одному проценту удалось спастись от резни.

5 октября было подожжено село Салиан. Пожар, который был виден с холмов Мурри, продолжал свирепствовать до 8 октября. Говорят, что мусульманам этой деревни, мужчинам, женщинам, детям и даже старикам и инвалидам, было приказано стать к стене, у которой они были расстреляны отрядом сикхов. Автоматическое оружие было широко использовано при истреблении мусульман деревни Судхноти в провинции Пунч. Вся деревня была разрушена, разграблена и сожжена.

Жизнь в этом районе стала для мусульман невыносимой, и сотни жителей этих и соседних деревень должны были покинуть дома своих предков. Когда они дошли до моста Кохала над рекой Джхелум, которая в этом месте образует границу между княжеством Кашмир и Западным Пенджабом, их караван подвергся нападению сикхов, которые похитили мусульманских девушек. Через границу Кашмира совершались набеги на деревни Западного Пенджаба. По сообщениям нашей разведки, из восьмидесяти четырех деревень, расположенных в наиболее пострадавшем полицейском округе Пхуклиан, население шестидесяти одной расположенных на границе деревень состояло из догров и мусульманских *камис*⁷. В конце сентября догры переселились в Джамму; они перешли границу и распространились по княжеству; захватив все свое имущество, они применяли политику опустошения к покидаемой ими возделанной земле.

После эвакуации немусульманского населения эти деревни многократно подвергались набегам, в результате чего ни в одной из шестидесяти одной деревни, расположенной на границе и дотла сожженной бандами догра из Джамму, не осталось теперь и признака жизни. Урожаи были уничтожены на корню, а дома жителей сожжены

дотла, вследствие чего восстановление этих районов невозможно. Полицейским комиссариатом в Пхуклиане, которому были подведомственны эти расположенные на границе деревни, было зафиксировано более ста набегов. Население пограничных деревень, состоящее сплошь из мусульман, часто обстреливалось из пулемета индийскими самолетами.

22 октября информационное агентство Globe News Agency сообщило, что в Джамму вспыхнули и распространились по всей провинции беспорядки, сопровождаемые многочисленными человеческими жертвами.

20 октября 1947 года Мусульманский кашмирский союз обсудил создавшееся в Кашмире положение и принял следующую резолюцию:

«Собрание Мусульманского кашмирского союза строго осуждает массовые убийства мусульман в Сри Ранбир Сингхпуре, Мирпуре, Раджаори, Пунче и Сринагаре.

Избиение при помощи *латчи*⁸ и употребление слезоточивого газа против невинных детей в Сринагаре являются неслыханным для цивилизованного правительства преступлением.

Собрание глубоко сожалеет, что правительство Пакистана весьма небрежно относится к своим обязанностям в этот критический момент, когда магараджа обращается за помощью извне для истребления мусульман, составляющих семьдесят процентов населения княжества».

28 октября Союз опубликовал следующее заявление:

«До нас из Сринагара доходят тревожные слухи, согласно которым в течение последних нескольких дней банды солдат Догра выскивают сторонников присоединения Кашмира к доминиону Пакистана. Мусульмане, служившие в армии или полиции, обезоружены или арестованы; многие важные должностные лица уволены и сотни политических работников посажены за железные решетки грязных тюремных камер. Были многочисленные примеры разграбления жилищ политических деятелей.

В Барамуле и Рампуре многие были расстреляны лишь потому, что их подозревали в симпатии к армиям освобождения. Мирное население княжества подвергается террору. Ни один себя уважающий патриот не спокоен за свою жизнь и честь, индус ли он или мусульманин, если он стремится к разрешению вопроса о присоединении княжества к одному из двух доминионов демократическим путем.

Находящиеся в княжестве индусские и сикхские беженцы вооружаются и подстрекаются правительством Кашмира к убийству мусульман и немусульман, чья верность с точки зрения сторонников шейха Абдуллы не безупречна».

Associated Press 31 октября сообщила из Индии, что бригадир Кхуда Бакшп, командовавший гарнизоном в районе Джамму и бывший единственным мусульманским бригадиром кашмирской армии, был застрелен в Джамму солдатами Догра.

Издатель газеты Kashmir Times, индус, г-н Г. К. Редди, высланный из Кашмира за то, что

⁷ Чернорабочие и домашняя прислуга.

⁸ Дубина.

он в своей газете поддерживал поработенный кашмирский народ, сообщил о жестоком обращении с мусульманами сикхских солдат индийской национальной армии, которым оказывала помощь полиция и армия Догра. Это заявление было опубликовано 28 октября в индусской газете Daily Gazette, выходящей в Карачи. Вот что заявил г-н Редди:

«Безумная оргия совершаемых дограми актов насилия против безоружных мусульман вызывает чувство стыда у каждого порядочного человека. Я видел, как вооруженные банды хулиганов и солдат обстреливали и рубили на куски беззащитных мусульманских беженцев, направляющихся в Пакистан.

Жалость моя и ужас еще возросли при виде того, что происходило в Раджпуре, где чиновники и офицеры командовали вооруженной толпой, осаждающей группу мусульманских беженцев, которые были изрублены на куски. В пути я видел, как кашмирские чиновники щедро снабжали догров оружием и амуницией.

Из моей гостиничной комнаты в Джамму, где меня задержали, я за одну лишь ночь сосчитал до двадцати шести горящих деревень, причем всю ночь напролет из соседних беженских лагерей слышалась стрельба из автоматического оружия».

Таков отчет очевидца немусульманина, уроженца президентства Мадрас Индийского союза.

В самом Джамму мусульмане, находящиеся под угрозой бандитов, были изолированы в оцепленном полицией районе, где местные власти обещали защитить их. Крыши всех высоких прилегающих к этому району зданий были заняты войсками Догра и сикхскими грабителями, которые продолжали безнаказанно обстреливать мусульманских беженцев. В тот же день — 18 октября, — который является одним из мусульманских религиозных праздников, мусульмане продолжали подвергаться обстрелу в течение десяти часов, и предполагается, что более четырех тысяч человек были убиты. Местные власти отговаривались тем, что они якобы не имели в своем распоряжении достаточно полиции, чтобы предотвратить повторяемые сикхами, солдатами индийской национальной армии и бандами *Раширия Севак Сингх* нападения на безоружных мусульман. Канвар сэр Далип Сингх, бывший член верховного суда в Лахоре, объезжая провинцию Джамму в качестве представителя индийского правительства, предложил мусульманам сдать свое оружие и патроны и приготовиться к эвакуации в Пакистан. Каждому человеку было разрешено взять с собой лишь свои постельные принадлежности и небольшой чемодан. Все остальное имущество беженцев было конфисковано государством.

6 ноября семьдесят грузовиков, куда поместилась большая часть видных мусульман провинции Джамму, отправились в Сухетгар, ближайший город Пакистана. Но по дороге в Катхуа им пришлось повернуть в направлении Самбха. Только двадцать грузовиков добрались до Мава в Шаккаргар Тексиле. Остальные были умышленно задержаны в пути, и их пассажиры высажены. Вслед за этим подкарауливавшие бе-

женцев сикхские гангстеры, вооруженные автоматами, набросились на них и стали грабить и похищать женщин. Все это было заранее подготовлено. Дочь Шаудхри Гхулам Аббас, выдающегося лидера Мусульманской конференции, была похищена вместе с другими.

Во избежание недоразумения я должен пояснить, что Мусульманская конференция и Национальная конференция являются двумя соперничающими политическими союзами или органами, причем оба находятся в Кашмире и представляют кашмирских мусульман. В члены Национальной конференции также допускаются и немусульмане. Мохаммед Абдулла возглавляет Национальную конференцию. Лидер, которого я упомянул ранее, возглавлял Мусульманскую конференцию.

Около тысячи человек каким-то образом добрались до Пакистана. На следующий день 26 грузовиков были по пути в Сухетгар задержаны в Джамму перед лепрозорием. Толпа напала на пассажиров грузовиков, в то время как самолет Индийского Союза летал над местом происшествия. Многие, чтобы спасти свою жизнь, бросились в соседний канал, но конвойные открыли по плывущим огонь, перебив значительное число мусульманских беженцев. Семья Чаудхри Хамид Уллах-хана, еще одного выдающегося лидера Мусульманской конференции, находилась в этой толпе, причем судьба ее по сей день неизвестна. Когда сэр Далип Сингху сообщили о том, что военные грузовики, вместо того чтобы эвакуировать мусульман из Джамму в Сухетгарх, везли их прямо на смерть, он заявил, что ничего не может сделать, так как эвакуация — дело армии, и военные решают, какой дорогой ехать.

В Акхнуре, одном из за последнее время часто упоминаемых городов, который, говорят, либо занят, либо осажден бандами грабителей, индусы собрали более двух тысяч мусульман и предложили им образовать группы по пятьсот человек каждая. Как только группы эти двинулись в путь, на них напала банда *Раширия Свайям Севак Сингх*, которая отняла у них все имущество; затем они подверглись нападению солдат. Едва ли пятьсот человек живыми добрались до Пакистана. В Дагхиане, небольшом селении, находящемся в Джамму Тексиле, та же судьба постигла свыше 20 000 мусульман, причем число жертв было весьма значительным.

Беженцы из Джамму и окрестных деревень в присутствии находящегося в Сялкотте сикхского офицера связи правительства Восточного Пенджаба торжественно подтвердили правдивость следующего сделанного ими заявления. Сялкот не находится в Восточном Пенджабе, но является местопребыванием офицера связи.

«В пятницу 17 октября вооруженная толпа, состоящая из браминов, сикхов, догров и «неприкасаемых», напала на наши села. Мы защищались, и толпе не удалось причинить много вреда. На следующий день явились правительственные войска, которые принялись обстреливать нас из пулеметов и ружей, причем было убито 25 человек. Вся стрельба была делом рук солдат. Оказавшись без защиты и без оружия, мы все решили эмигрировать в Миран Сагиб. Местные власти назначили военный конвой яко-

бы для нашей охраны. Позже появилась индийская воинская часть. Мы оставались в лагере шесть дней. Питьевой воды нам не давали; пищевой паек был далеко недостаточен, и почти все наши дети умирали один за другим. Нам не удалось многого принести с собой из дому, но все, что у нас было, отняли солдаты индийской армии и кашмирских воинских частей. Нас беспрерывно обыскивали, жены наши были изнасилованы дограми и сикхами. Затем местный Тешильдар объявил нам, что скоро прибудет отряд кавалерии, чтобы оказывать нам защиту. По прибытии отряда, его командующий велел нам готовиться к отъезду из княжества через Биндвархи. Когда мы были готовы, части индийских и кашмирских войск, сикхи, догры и т. д. открыли по нас огонь, и лишь сто человек из девяти тысяч могли бежать и спасти свою жизнь. Тешильдар отобрал у нас более 22 000 рупий. Нам как-то удалось добраться пешком до Сналькота, и большинство из нас было принято в местный гражданский госпиталь».

Два англичанина, посетившие Джамму и Кашмир в ноябре и опросившие мусульманских беженцев и чиновников княжества, вкратце изложили события следующим образом:

«5 ноября утром в городе Джамму от имени Его Высочества магараджи с барабанным боем было объявлено, что все мусульмане должны немедленно покинуть княжество и что Пакистан выразил желание их принять. Им было приказано собраться на военном плацу в Джамму. По дороге оттуда их в полицейском участке обыскали и отняли у них почти все имущество. Затем они были погружены на грузовики, образовавшие колонну. Им было сказано, что они будут отправлены в Сухетгарх, но вместо этого их повезли по дороге в Катхуа, остановили транспорт в Мава и высадили из машин.

В Мава водители грузовиков, вооруженные до зубов сикхи, отделили всех молодых женщин и бросились на остальных. Кашмирские солдаты безучастно наблюдали за истреблением мусульманских беженцев бандами сикхов и индусов.

Из четырех тысяч мусульман, покинувших Джамму, всего лишь девятьсот добрались до Сналькота. Среди них был г-н Гхулам Мустафа, член Учредительного собрания, потерявший свою жену, ребенка и сестру. Жертвами этого же нападения были похищенные бандитами дочь и сестра г-на Гхулам Аббаса, председателя Кашмирской мусульманской конференции.

Колонна в 70 грузовиков, в которых поместились наиболее уважаемые мусульманские семьи города Джамму, вышла из Сухетгарха 6 ноября. В нескольких милях за городом грузовики были остановлены нападшими на них вооруженными сикхскими джатах. Всего трое мусульман спаслись и добрались до Сналькота. Все остальные были перерезаны нападшими, среди которых находились кашмирские солдаты и добровольцы организации *Рамтрия Свайям Севаж Сангх*.

Другая колонна в тридцать грузовиков под конвоем догров и индийских войсковых частей прибыла в Сухетгарх 9 ноября. На границе солдаты конвоя похитили семь женщин и почти весь принадлежавший беженцам багаж.

В начале октября 1947 года около четырнадцати тысяч мусульман, проживавших в Самбе, осаждались вооруженными индусами и сикхами, лишившими деревни продовольствия и воды.

22 октября Его Высочество магараджа лично посетил Самба и почти немедленно вслед за его посещением все мусульманские женщины были кашмирскими солдатами уведены из села и мужчины перебиты, за исключением пятнадцати, которым удалось бежать в Сналькот.

20 октября около восьми тысяч мусульман собрались у водохранилища в Мулле около Катхуа, причем их просьба о защите была игнорирована судьей округа Катхуа. После того как они прошли три мили в направлении пакистанской границы, их окружили отряд догров и вооруженные сикхи, и все они были перебиты, за исключением сорока человек, которым удалось бежать в Сналькот.

В начале октября полиция в Джамму уведомила местные власти — и занесла свое сообщение в суточный реестр, — что оружие и боеприпасы контрабандным путем ввозятся в провинцию Джамму сикхами и индусами из Гурдаспура через Катхуа. Когда местная полиция отобрала у контрабандистов оружие, индусские офицеры кашмирской армии, отняв оружие у полиции, вернули его контрабандистам.

22 октября все мусульманские полицейские в городе Джамму были обезоружены и им было приказано отправиться в Пакистан. Когда 28 октября в Дагхиане некоторые полицейские офицеры и рядовые чины полиции Джамму пытались защитить мусульман от нападений, кашмирские солдаты, наведя на полицейских винтовки, велели им отойти.

По приказу правительства около 25 000 мусульман из района Пиран Сахиб собрались в Маогаоне, с тем чтобы эвакуироваться в Пакистан. 23 октября им было приказано идти в Пакистан пешком. Когда они повиновались, солдаты Догра забрали женщин и все их личное имущество, а оставшимся было приказано встать в ряд, вслед за чем они были расстреляны из пулеметов. Всего лишь около двухсот человек из общего числа в двадцать пять тысяч беженцев добрались до Пакистана, причем пробирались они ночью, а днем скрывались в хлебах.

20 октября около 15 000 мусульман из соседних деревень были собраны к мосту Акхнур. Им предложили отправиться в Пакистан пешком. Они отказались и были тут же перебиты солдатами Ражпут и Догра. Всего лишь 100 из них спаслись, спрятавшись в кукурузе».

Ни в чем неповинные мусульмане до сих пор еще подвергаются этим гнусным актам насилия в провинциях Пунч и Джамму, и число мусульманских беженцев, пришедших в Пакистан из княжества Кашмир в поисках защиты, в настоящий момент на много превышает двести тысяч человек. В одной лишь больнице Американской миссии (American Mission Memorial Hospital) в Сналькоте была оказана первая помощь 6 423 детям и 5 994 женщинам, а 1 895 человек были приняты в гражданский госпиталь в Сналькоте. Большинство было ранено холодным оружием, пулями или дробью.

Одной из наиболее ужасающих жестокостей, совершенных против мусульман, было калечение детей на глазах матерей. В настоящее время невозможно точно установить число женщин, похищенных кашмирскими гангстерами, но на основании самых умеренных исчислений полагают, что по крайней мере 25 000 женщин попали в руки отрядов Догра, сикхов, *Раширия Севак Сангх* и солдат индийской национальной армии, банды которых действовали на всем протяжении княжества. Наиболее возмутительным случаем является похищение 300 женщин в Деви Батала, которых безжалостно насильовали, пока жертвы не умирали от нервного потрясения или повреждений. Спаслась всего лишь одна из них, которой как-то удалось бежать в пограничный район Пакистана.

Вот вам несколько описаний того, что происходило в княжестве как до, так и после его присоединения к Индийскому Союзу, так как многие из этих событий имели место в ноябре. Присоединение же к Индии состоялось 26 октября, и войска Индийского Союза прибыли в Кашмир 27 октября.

Пакистан, разумеется, стал протестовать против всего происходящего. Телеграмма министра иностранных дел правительства Пакистана от 12 октября 1947 года на имя премьер-министра княжества Кашмир гласит:

«Бойцы пакистанской армии, недавно возвратившиеся из отпуска, который они провели у себя в Пунче, сообщают, что вооруженные банды, среди которых имеются и солдаты регулярной армии, нападают на мусульманские деревни. Их сообщения подтверждаются тем фактом, что с холмов Морри видно, как горит множество деревень. Правительство Пакистана жизненно заинтересовано в поддержании мира на своих границах и в благосостоянии мусульман, проживающих в прилегающих территориях; этого одного было бы достаточно, чтобы правительство Пакистана потребовало заверений в том, что меры для восстановления порядка в Пунче будут приняты. Один из аспектов настоящей ситуации в Пунче, представляющий собой угрозу дружественным отношениям, которые правительство Пакистана хотело бы сохранить с Кашмиром, заключается в том, что пакистанская армия получает значительное число своих новобранцев из Пунча. Возбуждение в батальонах, к которым принадлежат эти новобранцы, быстро растет и создается весьма опасное положение. Правительство Пакистана хотело бы избежать порчи отношений с Кашмиром и уверено, что правительство Кашмира разделяет его желание, но чтобы это сделать, надлежит немедленно предпринять эффективные шаги и положить конец создавшемуся положению, в особенности если верно, что войска княжества принимают участие в нападениях на мусульман, в каком случае необходимо восстановить дисциплину. Правительство Пакистана хотело бы знать, какие меры будут приняты».

Другая телеграмма, посланная в тот же день министром иностранных дел Пакистана премьер-министру Кашмира, гласит:

«Правительство Пакистана обращает внимание Вашего правительства на ряд набегов, совершенных в течение сентября месяца из кня-

жества Джамму на округ Спалькот. До сих пор получены сообщения по крайней мере о шести набеггах, совершенных вооруженными бандами догров и беженцами из Западного Пенджаба, нашедших убежище в Джамму. Во время этих набегов погибло немало мусульман. При набеггах на деревни полицейского округа Пуклиана 11 сентября около шестидесяти мусульман было убито и одиннадцать женщин были похищены дограми. Недавно было получено сообщение о том, что немусульманские солдаты из Джамму подкарауливают и грабят мусульман из деревни Дхандар. Правительство Пакистана весьма серьезно смотрит на нарушение своих границ бандами из Джамму. Оно энергично протестует против того, что немусульманским беженцам разрешается пользоваться территорией княжества, как базой для операций против Западного Пенджаба. Если подобные набегги будут продолжаться без вмешательства кашмирского правительства, правительство Пакистана будет вынуждено рассматривать их как враждебные действия. Поэтому правительство Пакистана настаивает на принятии немедленных и строгих мер с целью прекращения набегов на территорию Западного Пенджаба».

10, 11, 16, 18, 20, 24 и 25 сентября 1947 г. был совершен ряд набегов.

В ответ же на эти телеграммы была получена от премьер-министра телеграмма следующего содержания:

«Правительство Кашмира располагает вескими доказательствами происходящей инфильтрации. Как полагается правительству всякого государства, включая и доминион Пакистана, правительству Кашмира пришлось пускаться в ход войска, когда гражданским властям не удавалось справляться с беспорядками. Быть может эти меры кому-либо не по вкусу, но правительство Кашмира надеется, что вы согласитесь с тем, что восстановлению мира необходимо содействовать. Правительство Кашмира согласно на беспристрастное расследование всего вопроса, с тем чтобы устранить недоразумения и восстановить дружеские отношения, которые правительство Кашмира до сих пор строго соблюдало, несмотря даже на провокацию со стороны населения с другой стороны границы. Если настоящее требование не будет принято к сведению, то у правительства Кашмира к сожалению не останется другого выхода как против своей воли искать помощи, чтобы противостоять агрессивным и враждебным действиям, совершаемым вдоль его границы населением Пакистана...».

О жестоком обращении и т. п. даже не упоминается. Все случившееся объясняется необходимыми военными операциями, и предлагается предпринять беспристрастное расследование. Если же предложение о беспристрастном расследовании не будет принято, правительству Кашмира придется обратиться за помощью извне, т. е. вероятно просить правительство Индии о присылке своих войск.

Ответ, последовавший 18 октября 1947 года из Карачи на имя премьер-министра Кашмира, гласит:

«Мы удивлены содержанием и тоном вашей телеграммы от 15 октября 1947 года. Вместо

того чтобы принять спешные и эффективные меры в связи с конкретными представлениями, содержащимися в наших телеграммах №№ 241 и 242 от 12 октября 1947 года, вы предъявляете туманные обвинения в инфильтрации в Кашмир пакистанцев и объявляете, что пограничное население якобы умышленно портит наши отношения. Мы самым категорическим образом опровергаем эти осуждения и обвинения. Люди в обе стороны переходят границу между Кашмиром и Пакистаном по своим обычным делам, но обвинения в щедром снабжении пограничных районов Пакистана оружием и боеприпасами и в инфильтрации вооруженных пакистанцев на кашмирскую территорию не справедливы.

С другой стороны, все больше фактов свидетельствуют о жестоком угнетении мусульман в княжестве Кашмир и о набегах на территорию Пакистана, совершаемых вооруженными бандами догров и немусульманских беженцев из Пенджаба. По последним сведениям, солдаты догра совершили набег на деревню Чанна Курд, где завязалась перестрелка с полицией и был убит ее начальник. Большое число вооруженных сикхов и индусов, принадлежащих к организации *Раштрия Сиваж Сам*, отправились в Кашмир с тем, чтобы, как они это делали в Восточном Пенджабе, убивать, терроризировать и выгонять из страны мусульман. Исход мусульман из княжества фактически уже начался.

Правительство Пакистана чрезвычайно серьезно относится к угнетению и высылке кашмирских мусульман из страны. Мы были удивлены вашей угрозой «обратиться за помощью», полагая, что речь идет о помощи иностранной державы.

Единственной целью вмешательства иностранной державы по вашей просьбе может быть лишь полное порабощение мусульман, что позволило бы вам содействовать перевороту, предпринимаемому Индийским доминионом против всем известного и явного желания мусульман и других групп, составляющих восемьдесят процентов всего населения вашего княжества. Мы считаем своим долгом предупредить вас, что если ваша политика не изменится и подготовительные мероприятия для осуществления вашего замысла не прекратятся, то это повлечет за собой самые серьезные последствия, за которые вы будете полностью ответственны.

Ввиду серьезности положения, мы тщательно обдумали ваше предложение относительно «беспристрастного расследования всего вопроса». Мы оценили ваше предложение и просим немедленно назначить своего представителя в комиссию по расследованию. По получении вашего уведомления, мы немедленно назначим нашего представителя с тем, чтобы комиссия эта могла безотлагательно приступить к тщательному расследованию всего этого вопроса. Тем временем мы надеемся, что обе стороны приложат все старания к восстановлению дружественных отношений между нами».

Каково было положение 18 октября? Были жалобы и с той и с другой стороны. Я не буду распространяться о вескости тех или иных обвинений. Каждая сторона делала представления и считала себя обиженной. Премьер-министр Каш-

мира заявляет: я требую беспристрастного расследования. Если вы не согласитесь на это требование, мне придется просить помощи извне». На это следует ответ: «Ввиду серьезности положения, мы тщательно обдумали ваше предложение относительно беспристрастного расследования всего вопроса. Мы оценили ваше предложение и просим немедленно назначить своего представителя в комиссию по расследованию. По получении вашего уведомления, мы немедленно назначим нашего представителя с тем, чтобы комиссия эта могла безотлагательно приступить к тщательному расследованию всего этого вопроса».

Предложение было принято. Поэтому не было причины просить помощи извне. Как же поступило правительство Кашмира? Это было первым предложением противной стороны провести беспристрастное расследование. Мы ответили: «Хорошо, назначьте вашего представителя, а мы назначим нашего». С тех пор не было больше речи о беспристрастном расследовании или учреждении комиссии для беспристрастного расследования, и правительство Кашмира полностью переменило свою позицию.

Дальнейшим событием в этом деле была телеграмма премьер-министра Кашмира от 18 октября непосредственно на имя генерал-губернатора Пакистана следующего содержания:

«15 августа, вопреки уговору соблюдать соглашение о статус кво, заключенное по вопросам, по которым уже 14 августа существовало соглашение с Британской Индией, возрастающие трудности ощущаются не только в отношении поставок из Западного Пенджаба; население и администрация страдают от полнейшей дезорганизации почтовой связи. Сберегательные кассы не функционируют. Денежные почтовые переводы не выплачиваются. По банковским чекам отделений банков Западного Пенджаба денег не выплачивается. Даже отделения Имперского банка находятся в затруднительном положении вследствие непоступления платежей от заведующего казначейством в Лахоре. Автомашины, зарегистрированные в княжестве, задерживаются в Равальпинди. Железнодорожное сообщение между Сялькотом и Джамму прервано. Хотя кашмирское правительство обеспечило безопасное следование из Паганкота в Сялькот приблизительно ста тысячам мусульманских беженцев, жители Равальпинди хладнокровно перебили или переранили более 180 из 220 кашмирцев, препровожденных по просьбе правительства в Кохала. Тысячи людей, вооруженных дальнобойным огнестрельным оружием современного типа, пробрались в Пунч и совершили там акты насилия над немусульманским населением, убивая и калеча жителей, грабя их имущество, сжигая дома и похищая женщин».

Вместо содействия, за которым мы обращались ко всем местным и провинциальным властям, а также к центральному правительству, данные на бумаге обещания нарушаются и принимаются еще более суровые меры. Представляется, что печати и радио Пакистана было фактически разрешено изливать потоки лживой и клеветнической пропаганды. Подстрекаемые этой пропагандой небольшие вассальные княжества угрожают Кашмиру даже вооруженным вмеша-

тельством. Даже частным лицам в Пакистане разрешается передавать по телеграфу возмутительные угрозы без всякой проверки пакистанского почтового ведомства. К завершению всего княжество обвиняется в преступлениях, в действительности совершаемых пакистанцами. Помимо фактической инфильтрации в Пунч, из Сиапкота производятся на деревни набеги. Правительству остается только прийти к заключению, что все это происходит с ведома и при потворстве местных властей. Правительство Кашмира надеется, что эти действия будут признаны если не враждебными, то во всяком случае весьма недружелюбными.

Наконец, кашмирское правительство определено заявляет, что продолжение подобного отношения недопустимо, так как оно чревато последствиями, которые угрожают жизни и имуществу населения, защите всеми средствами которого правительство считает своим священным долгом. Правительство все еще надеется, что вы лично займетесь этим вопросом и положите конец совершаемым беззакониям. В том случае, если вы оставите настоящую просьбу без внимания, правительство надеется, что вы согласитесь с тем, что оно имеет основание искать помощи у друзей и защищать свои основные права. Передано по телеграфу Его Превосходительству генерал-губернатору Пакистана и препровождено в копии премьер-министру Пакистанского доминиона».

Ответ на эту телеграмму был послан генерал-губернатором Пакистана самому магарадже:

«Я получил телеграмму вашего премьер-министра от 18 октября относительно положения в Кашмире. Телеграмма эта была к сожалению сообщена органам печати, прежде чем она дошла до меня, и я мог ею заняться. Мое правительство уже находится в контакте с вашим правительством, и я глубоко сожалею о том, что премьер-министр Кашмира прибег к подобному тону и выражениям в своей телеграмме, в которой содержится угроза обратиться за посторонней помощью и которая носит почти ультимативный характер. Это едва ли можно признать наилучшим способом для ответственного и дружественного правительства исправить создавшееся положение.

15 октября премьер-министр Кашмира послал моему правительству телеграмму, составленную в таком же оскорбительном тоне и содержащую те же голословные утверждения. Он их повторил в своей телеграмме ко мне от 18 октября, не дождавшись ответа моего правительства на свою предыдущую телеграмму. Мое правительство уже ответило на эту телеграмму от 18 октября, и из этого ответа ясно вытекает, что односторонние и пристрастные обвинения вашего правительства не имеют под собой почвы. Ввиду того что ваше правительство передало текст мне адресованной телеграммы в печать, моему правительству не остается другого выхода как передать в печать содержание своего вышеупомянутого ответа, в котором опровергаются обвинения, предъявленные вашим правительством.

Обвинение, предъявленное в ответной телеграмме, в том, что соглашение о статус кво не

было соблюдено, совершенно необосновано. Трудности, ощущаемые вашей администрацией, возникли в результате широко распространившихся в Восточном Пенджабе беспорядков и нарушения связи, объяснимого главным образом недостатком угля».

Совет Безопасности уже отдал себе отчет в том, что происходит между Восточным и Западным Пенджабом. Почти ни один поезд фактически уже не доходит до Дели. Ввиду этого все движение прекратилось, и недостаток продовольствия ощущается повсюду. Правительство Пакистана умышленно не нарушало своих обязательств, вытекающих из соглашения о статус кво, но оно было лишено возможности выполнять их главным образом вследствие беспорядков, но также и по еще одной причине: в связи с избиением мусульман в различных частях провинции Кашмира водители грузовиков в Равальпинди — конечной железнодорожной станции в этой части Кашмира, находящейся приблизительно в 200 милях от Сринагара — отказывались перевозить уголь в Кашмир без военной охраны для защиты их жизни в дороге, охраны которой правительство Западного Пенджаба не имело возможности им предоставить, как это было объяснено в другой телеграмме.

Далее телеграмма генерал-губернатора Пакистана на имя Магараджи Кашмира гласит:

«Эти трудности остро ощущались самим правительством Западного Пенджаба. Затруднения, сопряженные с проведением банковских операций, были результатом недостатка служащих в банках и не могут быть поставлены в вину правительству Западного Пенджаба, которое сделало все возможное, чтобы обеспечить охрану банков. Ответственность за отсутствие поступлений от заведующего казначейством в Лахоре никоим образом не может быть возложена на правительство Пакистана, ибо начальник казначейства в Лахоре получает свои инструкции от Индийского резервного банка».

Все эти банки Западного Пенджаба не являются мусульманскими банками. Если бы эти банки были правительственными или мусульманскими, то дело обстояло бы иначе; но это банки немусульманские, следовательно если они не выплачивают по чекам, то это не их вина. Впрочем, они не нарочно отказывались выплачивать по чекам. В результате всех этих беспорядков было весьма трудно приискать необходимый персонал; большую часть времени банки оставались закрытыми и операций не производили.

Далее телеграмма генерал-губернатора гласит:

«Жалобы вашего правительства относительно отчетов в печати и телеграмм, посланных частными лицами, также лишены оснований. Ваше правительство не отдаст себе отчета в том, что в Западном Пенджабе цензуры не существует. Таким образом жалоба на местные и провинциальные власти совершенно необоснована. Называть обещания Центрального правительства «данными на бумаге обещаниями», как это делает ваше правительство, является искажением правды. Мое правительство остается верным своим обещаниям и намеревается проводить в жизнь соглашение о статус кво.

В целях устранения различных трудностей в области связи и подвоза товаров, мое правительство давно предлагало, чтобы состоялась встреча представителей правительств Пакистана и Кашмира. Это предложение было оставлено без внимания. При таких обстоятельствах я был, к сожалению, вынужден прийти к заключению, что эти голословные обвинения являются лишь ширмой, за которой скрывается подлинная цель, преследуемая вашим правительством. Недавним примером вашей политики может служить неодинаковое обращение с лидерами кашмирской национальной конференции и лидерами мусульманской конференции. С одной стороны, ваше правительство отпустило на свободу шейха Абдуллу, который был судом приговорен за государственную измену, отменило высылку его соратников и предоставило организации национальной конференции свободу продолжать свою пропаганду.

С другой стороны, г-н Гулам Аббас и его сотрудники, которые обвинялись лишь в том, что не подчинились запрету созывать мусульманскую конференцию, все еще томятся в тюрьме, а организация мусульманской конференции лишена своих самых элементарных прав и гражданских свобод. Политика, которой следует ваше правительство, всячески угнетая мусульман, зверства, совершаемые вашими войсками, которые гонят мусульман за пределы княжества, различные появившиеся в печати сообщения и, в частности, опубликование телеграммы вашего премьер-министра на мое имя, содержащей голословные обвинения и угрозы обратиться за помощью извне, определенно указывают на то, что подлинной целью вашего правительства является изыскание предлога, чтобы присоединиться к доминиону Индии путем переворота, для осуществления которого ваше правительство намерено испросить помощь этого доминиона.

Естественно, что эта политика вызывает глубокое недовольство и серьезные опасения у ваших подданных, восемьдесят пять процентов которых являются мусульманами. Встреча между полномочными представителями наших правительств, предложенная моим правительством, более не терпит отсрочки. Мне кажется, что наилучшим способом сгладить шероховатости и урегулировать стоящие между нами вопросы полюбовно было бы посещение вашим премьер-министром Карачи и совместное обсуждение имевших место событий, вместо того, чтобы письменно и по телеграфу продолжать эти язвительные и ожесточенные пререкания. Я хотел бы повторить, что я одобряю предложение, переданное телеграммой премьер-министра Кашмира от 15 октября и принятое моим правительством телеграммой от 18 октября о «беспристрастном расследовании всего вопроса».

До сих пор были приняты три меры. Когда беспорядки начались, Кашмир обвинил Пакистан в нарушении соглашения относительно снабжения. Пакистан же со своей стороны обвинил Кашмир в совершении набегов на пакистанскую территорию и в истреблении мусульман на территории княжества; было предложено, чтобы представитель пакистанского правительства прибыл в Кашмир для обсуждения этих вопросов на месте с премьер-министром кашмирского княже-

ства. Секретарь министерства иностранных дел был послан с этой целью из Карачи в Кашмир. По прибытии его на место, премьер-министр Кашмира отказался обсуждать с ним какие бы то ни было вопросы. Такова была первая попытка Пакистана урегулировать вопрос путем полюбовного соглашения.

Затем последовало предложение премьер-министра Кашмира от 15 октября относительно беспристрастного расследования. Мы немедленно приняли это предложение и телеграфно сообщили о нашем согласии, предлагая той стороне назначить своего представителя и обещая по получении ответа назначить своего. На этом дело остановилось. Предложение Пакистана было повторено в телеграмме генерал-губернатора от 20 октября.

Затем генерал-губернатор внес новое предложение. Он заявил, что вместо того, чтобы продолжать телеграфно обмениваться язвительными обвинениями, он предлагает встретиться. Он предложил, чтобы для обсуждения вопроса премьер-министр Кашмира прибыл в Карачи. Это предложение было отклонено. Тем временем сообщения о зверствах и набегах на территорию Западного Пакистана продолжали поступать.

21 октября в Сринагаре была получена из Карачи телеграмма на имя премьер-министра Джамму и Кашмира. Эта телеграмма гласила:

«Нашей телеграммой № 241 R.C./47 от 12 октября 1947 г. мы обратили Ваше внимание на серьезное положение в Пунче. Полученные с тех пор сообщения говорят о господствующем в Пунче терроре и о совершаемых войсками догров в районе Пунча ужасающих зверствах. Большое число беженцев переходит из Кашмира в Пакистан и рассказывает об актах бесчеловечного варварства. Солдаты пакистанской армии весьма встревожены судьбой своих семей в районе Пунча, но их трудно успокоить за отсутствием точных известий о близких или заверений от Вас. Мы просим немедленно сообщить точные сведения о положении и дать нам заверения относительно безопасности мусульман и их имущества».

Другая телеграмма, касающаяся набегов, гласит:

«Нашей телеграммой № 242 R.C./47 от 12 октября 1947 года мы обратили Ваше внимание на ряд набегов, совершенных из Джамму на округ Сялькота, и просили Вас принять спешные и решительные меры, чтобы положить им конец. В Вашей телеграмме от 15 октября Вы не упоминаете о принятых Вами мерах, чтобы положить конец этим налетам, которые все еще продолжают. В сообщении правительства Западного Пенджаба от 20 октября говорится о нападении на пограничные села Сялькота вооруженными автоматами и винтовками отрядами (джата), перешедшими из Джамму. Нападавшими было убито восемнадцать человек и разграблена и сожжена одна деревня. Солдатами из Джамму, открывшими огонь близ Сухетгара, были убиты двое мусульман и один христианин и сожжен ряд сел, расположенных около границы. Мусульмане эвакуируются из пограничных сел. Это весьма серьезная ситуация, которой Ваше правительство должно положить конец».

Было послано несколько других телеграмм о совершенных набегах. После так называемого присоединения, которое состоялось 26 октября, индийские правительственные войска выгрузились в Кашмире 27 октября. Теперь Совет Безопасности отдает себе отчет в географическом и экономическом положении Кашмира и Пакистана. Совету также известно, что между Кашмиром и Пакистаном было заключено соглашение о статусе кво. Такое же соглашение о статусе кво существует между Пакистаном и индийским правительством. Ходатайство о присоединении было представлено и принято в том виде, как оно было изложено в письменном заявлении, оглашенном индийским представителем. Заявление это приводится в письме на имя лорда Маунтбаттена и в ответном письме лорда Маунтбаттена, в котором он это ходатайство соглашается удовлетворить [227-е заседание].

Ни правительство Индии, ни кашмирское правительство не уведомили правительство Пакистана о том, что такое присоединение осуществляется ими или ожидается в скором будущем. Если положение в Кашмире давало повод к тревоге — а это по всей вероятности так и было — не должно ли было индийское правительство, по получении этого обращения, немедленно войти в контакт с правительством Пакистана и заявить ему приблизительно следующее: «В этом деле мы оба заинтересованы. Нельзя ли нам встретиться и урегулировать вопрос?». Неужели кашмирское правительство не пожелало даже уведомить правительство Пакистана о том, что в Кашмир предполагается прислать войска? Но уведомления не последовало. Не было возможности ни обсудить вопрос, ни предпринять совместные шаги для его разрешения.

Теперь же индийское правительство, со своей стороны, жалуется на то, что Пакистан не стремится совместно с ним урегулировать положение. Однако индийское правительство само виновато в том, что всякая совместная работа исключается. Я повторяю, что мы предлагали действовать совместно. Мы были поставлены в курс событий лишь 28 октября, т. е. после прибытия в Кашмир войска. 28 октября была получена премьер-министром Пакистана от премьер-министра Индии телеграмма следующего содержания:

«Вам был передан текст телеграммы, посланной премьер-министру Соединенного Королевства в связи с ситуацией в Кашмире. Я Вам также переслал копии корреспонденции, которой мы обменялись с генерал-губернатором Индии и с магараджей Кашмира относительно присоединения кашмирского княжества к Индийскому Союзу. Я также уведомил премьер-министра Соединенного Королевства о непосредственной опасности, угрожающей в связи с набегами Сринагару и Кашмиру, и о мерах, принятых нами для защиты их жителей. Я предлагаю Вашему правительству вместе с нами принять меры, чтобы положить конец набегам на территорию Кашмира, совершающимся из Пакистана. Эти набеги уже стоили бесчисленных жертв и разрушений, и, если они не будут немедленно прекращены, они приведут к полному разорению Кашмира. Слухи об успешности этих набегов быстро распространяются по всей Индии, и бесчинства

начнутся повсюду. Поэтому в интересах как Пакистана, так и Индии набеги должны быть прекращены. Так как банды проходят по пакистанской территории, их можно там же остановить.

Уверяю Вас, что правительство Индии было вынуждено принять свои меры только потому, что Сринагар оказался в непосредственной и серьезной опасности. Мы не намерены вмешиваться в дела Кашмира, после того как банды будут изгнаны и законность и порядок восстановлены.

Что касается присоединения, то, как было уже указано, этот вопрос должен быть решен кашмирским народом. Правительство Индии не намерено народу навязывать какое-либо решение и подчинится воле населения, но пожелания последнего не могут быть установлены, пока не восторжествуют мир, законность и порядок. Защита Кашмира от вооруженных банд является поэтому нашей ближайшей целью, и мы надеемся на Ваше сотрудничество для ее достижения».

Ответные письма магараджи и лорда Маунтбаттена были приложены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Простите, что я вас перебиваю. Мне говорят, что ввиду быстроты, с которой вы читаете ваши цитаты, будет весьма трудно составить стенографический отчет. Занесение в отчет вашего выступления будет сопряжено с некоторыми затруднениями. Попрошу вас говорить немного медленнее, когда вы приводите цитаты.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Вот ответ, полученный от премьер-министра Пакистана:

«Я получил ваши телеграммы, включая телеграмму от 29 октября, на которую я ответил. Создалось следующее положение: в результате нападений на мусульман Восточного Пенджаба, совершенных сикхами в августе месяце, страсти во всем Пакистане чрезвычайно разгорелись, и только с большим трудом удалось удержать патаанские племена от вторжения в Западный Пенджаб, для того чтобы отомстить индусам и сикхам. В Пунче мусульмане подверглись нападениям, а в Джамму их истребляли толпы под предводительством чинов кашмирской армии, и когда стало очевидным, что в Кашмире предстоит повторение того же, что произошло в Восточном Пенджабе, оказалось невозможным удержать горные племена от вторжения в это княжество без того, чтобы прибегнуть к помощи войск, присутствие которых могло создать на границе такое положение, с которым справиться было бы невозможно.

Ваша отправка войск в Кашмир под тем предлогом, что страну собираются присоединить к Индии, бесконечно осложнила положение. Во всей пограничной полосе наблюдается сильное волнение, и чувство возмущения среди племен достигло крайних пределов. Ответственность за текущие события целиком ложится на вас. Ни в Пунче, ни в Джамму беспорядков не было, пока государственные войска не начали убивать мусульман. В течение всего этого времени кашмирское правительство поддерживало с вами тесную связь. Тем не менее оно игнорировало или отклоняло предложения по-дружески обсудить с

нами положение. 2 октября я предложил, чтобы Пакистаном и Кашмиром были назначены представители для обсуждения вопроса о снабжении Кашмира и взаимных обвинений о набегах через границу. Премьер-министр Кашмира ответил, что он слишком занят. Когда, несмотря на это, в Кашмир был послан секретарь министерства иностранных дел, ведающий отношениями между княжествами, то премьер-министр отказался вести с ним переговоры.

15 октября премьер-министр Кашмира грозил, что, если мы не согласимся на беспристрастное расследование происходящих событий, он обратится за помощью, чтобы отразить нападение на свои границы. Мы немедленно согласились на беспристрастное расследование. С тех пор это предложение Кашмиром более не упоминалось.

Набег патанов на Кашмир начался лишь 22 октября. Поэтому совершенно ясно, что план Кашмира просить о присылке ему в помощь индийских войск — а план этот вряд ли мог быть односторонним — был составлен независимо от набега, и все принятые меры указывают на то, что он был выработан заранее.

Вернее всего он был выработан после неудачи, которую потерпели их войска в своей попытке поработить население Пунча, а целью его было предупредить ожидаемую реакцию на избиение ими мусульман в Джамму.

Я в свою очередь обращаюсь к вам с призывом о прекращении убийств, которые все еще продолжают в Джамму. Вчера Западный Пенджаб вновь подвергся вторжению хорошо вооруженной толпы, которая после стычки с сельскими жителями отступила, оставив за собой тела двух убитых гурка в военной форме. Пока такого рода события повторяются, страсти неизбежно будут разгораться все больше».

Тогда было предложено созвать конференцию в Лахоре, где в то время находились генерал-губернатор и премьер-министр Пакистана, причем оба они были больны; генерал-губернатор Индии лорд Маунтбаттен и премьер-министр Индии Пандит Джавахарлал Неру должны были участвовать в этой конференции вместе с представителями Кашмира.

Об этом было сообщено премьер-министру Соединенного Королевства, который был встревожен тем, какой оборот приняло дело. Он хотел, чтобы положение было урегулировано путем переговоров и взаимных уступок. Сначала было предложено созвать конференцию 29 октября, но она не могла иметь места, так как Пандит Джавахарлал Неру недостаточно хорошо себя чувствовал, чтобы ехать из Дели в Лахор. Поэтому она была отложена до 1 ноября, и можно было надеяться, что в это время все шесть заинтересованных лиц — три премьер-министра, два генерал-губернатора и магараджа Кашмира — смогут в ней участвовать.

1 ноября Пандит Джавахарлал Неру все еще не мог приехать, но лорд Маунтбаттен прибыл в Лахор. Между лордом Маунтбаттеном, генерал-губернатором и премьер-министром Пакистана состоялось совещание. То немногое, что стало известно о результатах этого совещания, содер-

жится в следующей телеграмме премьер-министра Пакистана на имя премьер-министра Соединенного Королевства:

«Благодарю вас за вашу телеграмму № 327 от 31 октября и за дополнительное сообщение от того же числа относительно положения в Кашмире. Конференция, которая должна была собраться в Лахоре 1 ноября, не состоялась, так как 1 ноября утром лорд Маунтбаттен неожиданно сообщил генерал-губернатору Пакистана по телефону, что Пандит Неру слишком плохо себя чувствует, чтобы отправиться в Лахор, и что поэтому он прибудет один для участия в заседании Общего совета обороны (Joint Defence Council), председателем которого он является. Лорд Маунтбаттен далее сообщил, что он надеется воспользоваться случаем и познакомиться с генерал-губернатором Пакистана, что, так как он сам является генерал-губернатором лишь в силу конституции, он не может вести переговоров с целью заключения соглашения. Таким образом, поскольку дело касается доминиона Индии, идея созвать конференцию отходит на второй план, но если индийское правительство пожелает, вместо Пандита Неру мог бы приехать заместитель премьер-министра».

Представитель Индии обвинял нас в том, что мы отказываемся содействовать урегулированию положения. Мы предлагали послать в Сринагар для переговоров нашего представителя, секретаря министерства иностранных дел, также ведающего отношениями между княжествами. Премьер-министр Кашмира даже не оказал ему чести обсудить положение. Затем, нам предложили согласиться на беспристрастное расследование и просили, чтобы Кашмир назначил своего представителя, обещав назначить нашего. Больше мы об этом ничего не слышали. Генерал-губернатор Пакистана тогда сам предложил магарадже Кашмира направить своего премьер-министра в Карачи для личных переговоров с пакистанским правительством, чтобы найти способ разрешить дело полюбовно. Затем мы предложили созвать конференцию. Тем временем, так как войска уже прибыли и инсценировка для присоединения подготовлена, мы предложили созвать конференцию трех заинтересованных сторон в Лахоре. Сначала наше предложение было принято, но так как премьер-министр Индии не мог приехать в Лахор по болезни, конференция в назначенный день не состоялась. Она была отложена на три дня, но опять-таки состояться не могла, так как премьер-министр все еще не был в состоянии выехать. Однако, как было указано в телеграмме, если премьер-министр сам не мог предпринять путешествия, то ничто не мешало ему, ввиду серьезности положения, послать своего заместителя, тем более что в индийском правительстве заместитель премьер-министра является должностным лицом, которое ведает отношениями между княжествами.

В то время пакистанский премьер-министр был также министром иностранных дел и ведал отношениями между индийскими княжествами. На меня самого, как на министра иностранных дел, возлагаются в настоящий момент те же обязанности. В индийском же правительстве премьер-

министр, хотя и является также министром иностранных дел, но не он, а заместитель его, т. е. Сирдар Пател, ведает отношениями между княжествами. Таким образом дело шло не о замене премьер-министра, ибо на конференции мог присутствовать соответствующий министр. Однако никто не явился.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Простите, что я вас перебиваю, но я хотел бы знать, сколько еще, по вашему мнению, продлится ваше выступление, так как нам необходимо это знать, чтобы распределить нашу работу. Некоторые члены Совета Безопасности предложили заседать завтра утром. Если Совет примет это предложение, необходимо принять соответствующие меры сейчас же.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Так как речь моя заранее не была написана, то сказать точно, сколько времени она продлится, я не могу, но постараюсь ее закончить в течение приблизительно часа, если Совет Безопасности будет заседать завтра утром. Я не думаю, чтобы мне понадобилось больше времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): В таком случае не предпочтет ли Совет закрыть заседание сейчас, если представитель Пакистана согласен прервать свое выступление и продолжить его на следующем заседании. В утвердительном случае необходимо назначить день и час для этого заседания и решить, будет ли оно, в частности, иметь место завтра утром, как это было предложено.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я предлагаю, чтобы пакистанский представитель остановился тогда, когда ему это будет удобно. Если он предпочитает продолжать свое выступление, которое я слушаю с большим вниманием, до момента, когда ему будет угодно прервать его и продолжить в другой раз, я уверен, что Совет не откажется продлить заседание. Но, как бы то ни было, я надеюсь, что мы, во всяком случае, соберемся завтра утром. Совершенно очевидно, что другие члены Совета Безопасности также желают высказаться, и я поэтому считаю необходимым продолжать рассмотрение этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Если Совет желает заседать завтра утром, это должно быть решено сейчас.

Имеются ли возражения против созыва заседания завтра утром в 10 ч. 30 м.?

Г-н де-ла-ТУРНЕЛЬ (Франция) (*говорит по-французски*): Быть может мы могли бы собраться

завтра утром на полчаса или на час раньше, чтобы наверняка избежать заседания днем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Есть ли возражения против того, чтобы мы собрались завтра утром в 10 часов?

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Если заседание наше будет завтра утром посвящено завершению моего доклада Совету Безопасности, я могу обещать, что, если члены Совета Безопасности соберутся в обычный час, им не придется заседать днем, чтобы слушать продолжение моего выступления. Я несомненно закончу до обеда.

Тем не менее, для меня лично было бы весьма неудобно — впрочем я не собираюсь руководствоваться соображениями моего личного удобства — начать ранее обычного часа заседаний Совета Безопасности.

Вы, конечно, поймете, что, находясь в пути с 10 января 1948 года, дня вылета моего из Карачи в Нью-Йорк, я чувствую некоторое утомление. В дороге я был задержан вследствие повреждения мотора и дурной погоды, а затем мне пришлось прошлой ночью собирать данные для моего доклада Совету Безопасности, который продолжался три часа и, без сомнения, вас очень утомил.

Я уверен, что Совет не пожелает собраться раньше, чем это необходимо, чтобы продолжать слушать мою речь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я полагаю, что представитель Франции не будет настаивать на своем предложении.

Г-н де-ла-ТУРНЕЛЬ (Франция) (*говорит по-французски*): Конечно, нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я вижу, что никто не возражает против того, чтобы собраться завтра утром в 10 ч. 30 м.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Мы не решили не заседать завтра днем. Эта возможность остается для нас открытой на тот случай, если нам придется продолжать нашу работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я хотел бы спросить представителя Пакистана, желает ли он что-либо добавить к своему сегодняшнему выступлению и не имеет ли он ничего против того, чтобы на этом остановиться.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Меня вполне устраивает остановиться теперь.

Заседание закрывается в 6 ч. 10 м. вечера.